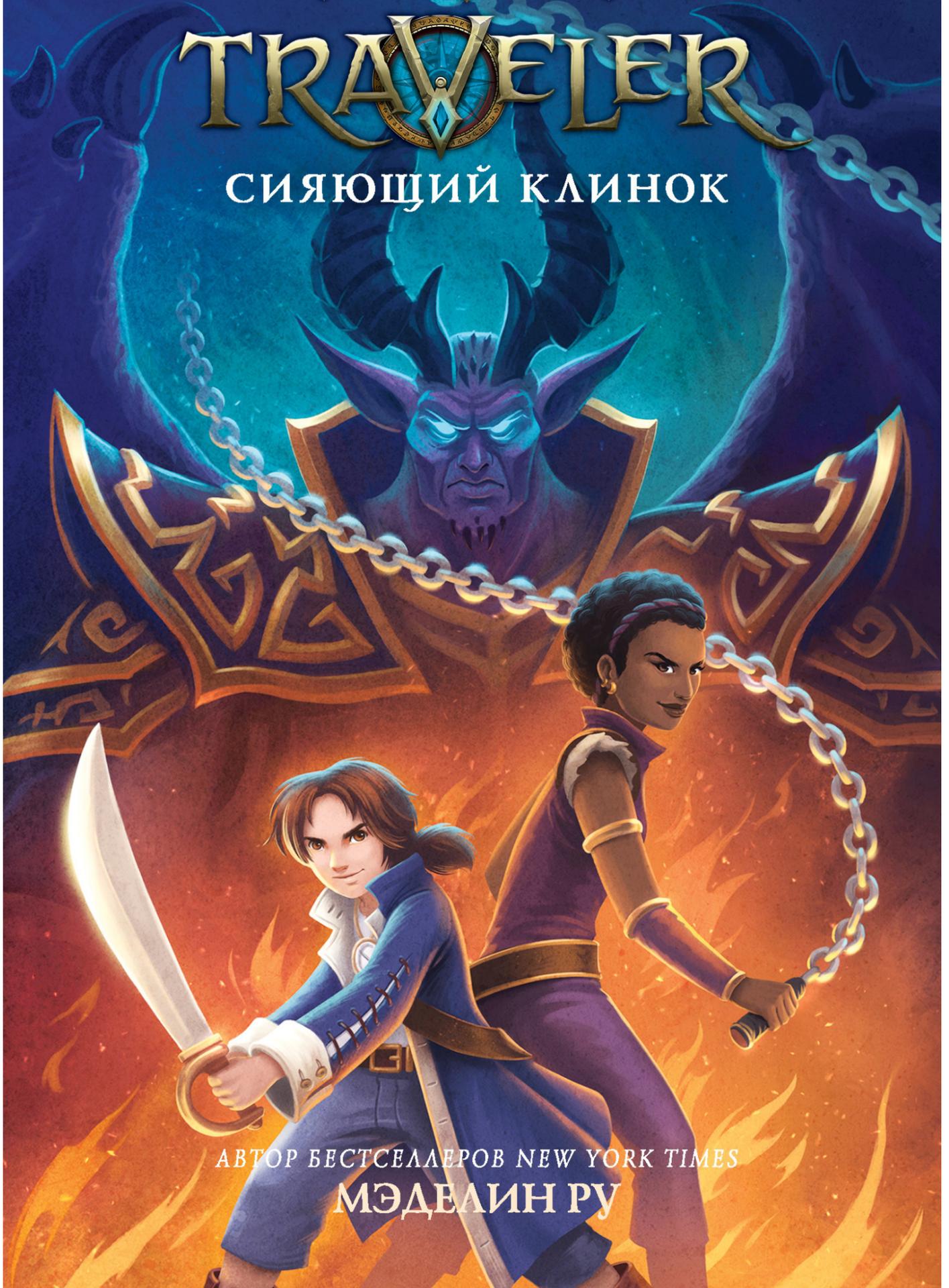

WORLD
WARCRAFT

TRAVELER

СИЯЮЩИЙ КЛИНОК

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

МЭДВАЙН РУ

World of Warcraft

Мэделин Ру

**World Of Warcraft.
Traveler: Сияющий клинок**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

Ру М.

World Of Warcraft. Traveler: Сияющий клинок / М. Ру —
«Издательство АСТ», 2020 — (World of Warcraft)

ISBN 978-5-17-134425-2

Арамар Торн и Макаса Флинтвилл хлебнули невзгод сполна. С тех пор, как отец доверил Араму волшебный компас, Арам с Макасой странствуют по самым удивительным краям Азерота в поисках осколков легендарного оружия, Алмазного Клинка. Казалось бы, правда об этом оружии и страшных бедствиях, которые оно должно предотвратить, канула в морскую пучину вместе с капитаном Грейдоном Торном... но не всякой тайне суждено остаться тайной навеки. Стараясь держаться на пару шагов впереди Малуса и Сокрытых – опасных наемников и чародеев, которые, дабы заполучить компас, не остановятся ни перед чем, – Арам с Макасой собрали вокруг себя целый отряд сильных союзников. Непоседливые гоблины, фантастические существа, могущественные друиды, таинственные дриады – всех их влечет к юному художнику и грозной воительнице, и это внушает надежду: ведь в самый отчаянный час, дабы спасти Азерот от хаоса и вечной тьмы, Араму с Макасой пригодится любая помощь, какую только удастся сыскать. Читайте впечатляющее завершение трилогии «World of Warcraft: Traveler», написанное автором бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс» Мэделин Ру и украшенное множеством потрясающих новых рисунков!

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-134425-2

© Ру М., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава первая. Новые берега	8
Глава вторая. Слегка подрумяненные	13
Глава третья. Передышка	18
Глава четвертая. Дозорный холм	21
Глава пятая. Ужин с друидами	27
Глава шестая. Дурные знамения	34
Глава седьмая. Нежданные видения	39
Глава восьмая. Расторжение уз	45
Глава девятая. Сильверлейн	49
Глава десятая. Спутники	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Мэделин Ру

World of Warcraft. Traveler: Сияющий клинок

Madeleine Roux

World of Warcraft: Traveler: The Shining Blade

© 2020 by Blizzard Entertainment, Inc. Все права защищены. The Shining Blade, World of Warcraft, Traveler, Warcraft и Blizzard Entertainment являются товарными знаками и/или зарегистрированными товарными знаками компании Blizzard Entertainment в США и/или других странах. Все прочие товарные знаки являются собственностью соответствующих владельцев

* * *

Глава первая. Новые берега

Ему снился дом, Приозерье... по крайней мере, сам он вначале подумал именно так. Вот он в кузнице отчима, смотрит, как нагревается, раскаляется докрасна горн, а вот сам он охвачен пламенем, взметнувшимся ввысь от цепких черных щупалец, накрепко прижимающих руки к телу.

Затем, как будто одного этого мало, Арамар Торн снова увидел перед собой искаженное жестокой гримасой лицо убийцы отца, самого злобного, отвратительного человека на весь Азерот – Малуса, капитана «Неотвратимого». С рыком склонился он над Арамом, придвинулся так близко, что ноздри защекотал запах пота, струящегося с его лба. Мать нередко говаривала, что нутро скверного человека непременно проявит себя, вот это-то с Малусом и произошло: некогда благородное, его лицо – и глаза, и губы, и прочие черты – годилось теперь лишь для недоброй усмешки, лишь для гримасы презрения.

Ему нужен был волшебный компас с шеи Арама, и, чтобы заполучить его, Малус не останавливался ни перед чем – даже в Арамовы сны ворвался незваным.

– Я дал тебе все шансы, мальчик. Все это ты навлек на себя сам. Каков отец, таков и сын, – зловеще прошептал он.

Казалось, память увлекла Арамара назад, в Прибамбасск, в дом Винифред; казалось, он снова опутан по рукам и ногам жуткой магией, не дающей ни шевельнуться, ни даже вздохнуть – одинокий, отчаявшийся, понимающий, что каждый новый миг может стать в его жизни последним. Арам схватился за абордажную саблю, но вспомнил, что против темных сил она бесполезна, и потянулся к эфесу незавершенного кристального меча, заткнутому за пояс. Потянулся... и ахнул. Рукояти за поясом не оказалось. Но как?..

Теперь он действительно остался ни с чем. На этот раз Свет его не спасет, а огромная рука Малуса медленно тянется к шее, чтобы сорвать с нее самую драгоценную для Арама вещь – вещь, которую он обещал отцу сберечь, сберечь, во что бы то ни стало.

– Тик-так, – прошипел Малус. – Твое время истекло, мальчик.

И тут кошмар развеялся с той же быстротой, с которой возник. Малус словно взорвался, обернувшись клубами густого черного дыма, так что от него осталась лишь пара глаз в темноте. Почувствовав, как что-то сдавливает плечи и грудь, Арам с криком проснулся, забился, рванулся прочь... и с радостью обнаружил, что смотрит прямо в глаза сестры, Макасы Флинтвилл.

Все это вышло почти как на «Волноходе» – там, на борту, Макаса каждое утро будила его непреклонным: «Арамар Торн! А ну вытряхивай из койки свои жалкие кости!»

Эти слова Арам слышал от Макасы так часто, что они отпечатались в памяти на всю жизнь. Но на сей раз она не кричала на него, не торопила, а только тревожно хмурила темные брови.

– Братишка? Мы приземлились. Идти пора.

– Ага, конечно, – прошептал Арам. – Конечно. Я скоро.

– Страшный сон? – спросила Макаса, отступив от него, взвалив на спину собственную поклажу и дважды проверив, на месте ли оружие и фляга с водой.

– Ты себе не представляешь, насколько, – поежившись, ответил Арам.

Остальные уже сошли с борта построенного гоблинами дирижабля, и потому он бросился поскорей собирать пожитки, хотя пальцы были скользки от холодного пота. Избавиться от кошмара не удавалось. Обычно сны ему снились о Свете, указующем верный путь, защищающем от беды, но сегодняшний... Он надеялся, что этот сон не предвещает ничего скверного в будущем. Впрочем, стоило ли удивляться, что невероятные, нередко жуткие события последних недель возвращаются, преследуют его в сновидениях? Ведь большинство двенадцатилеток тревожатся разве что о том, как бы не проспать в школу, или как бы их не застали

целующимися за домиком Боумен, а вот Арам, в огромного размера капитанском плаще отца, вооруженный абордажной саблей, с волшебным компасом на груди, с недавних пор чувствовал себя уже не мальчишкой – скорее, взрослеющим юношей.

Возможно, он вправду взрослеет? В конце концов, они так далеко от начала пути! Для него, Арама, весь этот долгий, извилистый, полный опасности и приключений путь начался с морского плавания, в котором он должен был поближе познакомиться с отцом, однако нехитрый отцовский замысел пошел прахом в тот день, когда корабль их потопил презренный капитан Малус. С тех пор, вооруженный верным блокнотом для рисования, направляемый стрелкой компаса и посылаемыми Светом видениями, Арам всеми силами старался исполнить отцовское поручение – разыскать и собрать воедино осколки Алмазного Клинка, рассеянные по всему Азероту. Поручение было исключительно важным. Настолько, что вся его важность просто не умещалась в Арамовой голове, – как и бескрайние просторы Азерота, – но до сих пор он вполне с ним справлялся. Точнее, не он, они: ведь, куда бы Арам ни пошел, вокруг него собиралось все больше и больше союзников, включая сюда даже могущественного друида Талисса Серого Дуба, нашедшего в пути смерть, которой он ничуть не заслуживал. Такой же конец вполне мог ждать и Арама, и всякого другого из его друзей, если преграды, лежащие впереди, окажутся ему не по плечу.

Расправив плечи и немножко жалея о том, что полуночным беседам с собратом-художником Мавзодем о технике рисования настал конец, Арам двинулся к трапу. Ладно, чего там жалеть? Да, с гоблином он распрощался, но ведь не навсегда!

Трап был уже спущен, и Арам, стараясь держаться как можно увереннее, не растерять по пути ни достоинства, ни поклажи, спустился и замер. За спиной пенилось море, к востоку и к северу тянулась черная земля, на юге высились горы. При виде ожидающих путников мест его оптимизм слегка угас.

Обугленная долина оказалась... да, именно, что обугленной: едва Арамар Торн покинул борт дирижабля Газлоу, «Пниоблака», в легких запершило от пепла и дыма.

«Сам не знаю, чего я ожидал», – хмыкнув, подумал он. Похоже, остальных предстоящее путешествие через выжженные, потемневшие земли ничуть не радовало, однако Арам отчаянно старался найти в них и положительные стороны. Дымящиеся холмы, ярко-алые угли на фоне черной гари... от всего этого веяло дикой, суровой красотой. «Да, нелегко будет ухватить, запечатлеть ее величие на рисунке, – подумал Арам, – но что поделать? Таково уж ремесло художника, а значит, надо попробовать».

Под ногами, вдоль берега, тянулась полоска нетронутого песка, носки сапог едва касались почерневшей травы у опушки горящего леса. Ветер, принесший с собой тучу пепла, взерошил темные волосы мальчика, дохнул в лицо сухим жаром, однако Арама пробрала дрожь. Стоявшая рядом Макаса, названная сестра и спутница, превосходившая мальчика и ростом, и храбростью, протяжно присвистнула, рассеянно побренчала цепью, крест-накрест пересекавшей ее грудь, и почесала свежий струп на предплечье.

– Далеко же мы от Фераласа, – проворчала она.

Да, так оно и было. Через дождливые фераласские джунгли они шли совсем одни – преследуемые, умирающие от голода, – но там, по крайней мере, имелась вода, шли дожди! А впрочем, нет худа без добра. Здесь они заметят приближение врага издали, а вот в густых туманных джунглях это было бы не так просто.

Воздушный корабль, паривший в воздухе позади, зафырчал, разворачиваясь острым носом к северу. Газлоу, невысокий, зеленокожий гоблин-механик, за время знакомства внушивший Араму немалое восхищение, вздохнул и, потягиваясь, двинулся к ним вдоль берега. Весь прочий экипаж остался на борту – явный признак того, что надолго «Пниоблако» здесь не задержится.

– Порядок, парень? – жизнерадостно гаркнул Газлоу.

Ну да, еще б ему жизни не радоваться: его-то не ожидал впереди двухдневный переход через догорающий лес!

Приподнявшись на цыпочки, гоблин хлопнул Арамара по спине.

– Вот тебе и Обугленная долина. Неплохо, а?

Дрелла, их неизменно чистосердечная спутница-дриада, намотала на палец сине-зеленый локон и сморщила носик.

– На самом деле... на самом деле, здесь – хуже некуда. Деревья... и звери... повсюду боль. Такая боль, что и смотреть не хочется.

– А я думала, все живое со временем умирает, – усмехнулась Макаса, напомнив Дрелле о ее же излюбленной присказке.

Губы дриады дрогнули.

– Верно, – откликнулась она. – Но не так медленно.

– Ах да, совсем позабыл: природа и все такое, – пожав плечами, сказал Газлоу, имея в виду не просто природу, но сокровенные друидические узы, связующие Дреллу и с Азеротом, и со всеми его обитателями. – Уверен, ты к этому скоро привыкнешь. Эй, не хмурься! Зато не замерзнете. И развести костер, чтоб приготовить ужин, вам будет – раз плюнуть!

Но его шутки никого не развеселили.

– Ладно, как пожелаете.

Газлоу вновь потянулся, пританцовывая, обошел отряд, повернулся ко всем лицом и вдруг зашипел, хлопнув себя по заду, видимо, слегка подпаленному шальной искрой.

– Как я уже говорил, дальше мы вас отвезти не сумеем. Нам с Шустром пора уматывать восвояси. Механико-Инженерная Гильдия Азерота не станет откладывать состязаний ни для кого из людей... то есть, инженеров... то есть, в нашем случае, гоблинов.

С этим он подмигнул путешественникам, но в ответ ему подмигнула одна только Дрелла. Кашлянув, Газлоу протянул Араму руку и крепко стиснул ладонь мальчика.

– Эй, парень, как только снова понадобится, – а у тебя при том найдется достаточно звонкой монеты или же достаточно заманчивое деловое предложение, – ты заходи, не стесняйся!

– Непременно, Газлоу, – с усталой улыбкой ответил Арам. – Жди со дня на день.

– Ладно, ладно, довольно шуток! До Дозорного холма Тал'дары отсюда неблизко, – напомнил Газлоу. Еще раз, напоследок, встряхнул Арамову руку и двинулся сквозь столпившихся перед ним путников к трапу.

Все расступились, освобождая ему дорогу, а после, обернувшись, проводили гоблина взглядами. Часть экипажа, включая Шустра с Мавзодем, выстроилась вдоль борта «Пниоблака» и замахала остающимся – возможно, чтоб ободрить их, а может, просто потому что им не терпелось отправиться в обратный путь.

– Осторожней там, парень! – крикнул Газлоу, едва ли не с радостью прыгнув на трап, ведущий в гондолу. – Держитесь сообща! Команда у вас подобралась на славу!

Арамар Торн, помахав ему, согласно кивнул. Да, команда у них подобралась на славу. Просто на удивление. Вместе они прошли через многое, пережили и нападение пиратов, и гладиаторский бой, и сражения, и гонки, и еще один гладиаторский бой... Внезапно Арам почувствовал себя невероятно старым, совсем выбившимся из сил, но, покачав головой, прогнал подобные мысли прочь. Путь им предстоял дальний, а первым делом они должны были добраться до Дозорного холма Тал'дары и позаботиться о выполнении обещания, данного Дрелле.

Обдав их порывом теплого, пахнущего морской солью ветра, «Пниоблако» под жужжанье винтов и под пыхтенье машин снялся с места. Арам рысцой подбежал к Макасе – та, делая вид, будто поправляет поклажу на спине, не сводила тревожного взгляда с небес.

– Ты что? – спросил Арам. – Что с тобой?

– Сомневаюсь, что нам удалось оторваться от Малуса, – пояснила Макаса, прикрыв глаза ладонью и глядя вслед уходящему дирижаблю.

– Если нам хоть немного, да повезло, сейчас он в море, за «Раком» гонится, и погоня на время его отвлечет.

Надолго ли? Этого Арам не знал.

Словно бы прочитав его мысли, Макаса поскребла подбородок.

– Отдохнули мы на «Пниоблаке» замечательно, а теперь – ноги в руки и марш!

Встряхнувшись, она взмахом рук созвала всех к себе. Отряд выстроился перед ней полукругом. На левом фланге встал мурлок по имени Мурчал с обмотанной вокруг туловища на манер жилетки любимой рыболовной сетью, за ним – гнолл Клок с дубиной на плече, далее – Дрелла, дриада невероятной силы, а замыкал строй Арам, снedaемый нетерпением: скорее бы уж сестрица выкладывала, что у нее на уме.

– Прошу прощения! – внезапно воскликнула Дрелла.

Голос полуэльфийки-полуолуенка звучал мелодично, но властно. Прежнее буйство красок, присущее ее внешности, слегка поблекло, обрело приличествующую возрасту сдержанность. Весна Дреллы сменилась летом, хотя для всех остальных лето настало давным-давно. То было одно из обыкновений дриад, в которых Арам едва-едва начинал разбираться. Удивительно, но даже здесь, среди безотрадного тлеющего леса, Дреллу сумела отыскать уцелевшая бабочка, усевшаяся ей на макушку, а Дрелла, залившись смехом, не стала ее прогонять.

– О! Друг.

– Это важно? – с нажимом спросила Макаса, ущипнув себя за переносицу.

– Да, важно! Если б я только вспомнила, что... хм-м-м...

Макаса застонала.

– Дай ей сказать, – негромко пробормотал Арам к немалому раздражению сестры. Настрога запрещающая ему закатывать глаза, сейчас она сама же нарушила свой запрет – в знак того, что думает об Арамовых потаканиях чудачествам дриады.

– Ах, да, вспомнила! – объявила Дрелла, сделав вид, будто ловит упорхнувшую мысль и возвращает ее в рот. – Когда я была желудем, Талисс нашептывал мне множество сказаний о великих героях древних времен, и о том, как они, совершая славные праведные дела, получали славные истинные имена. Я думаю, нам всем тоже самое время обрести собственные истинные имена.

Макаса вновь издала стон.

– Дрелла...

– Вы только посмотрите, чего мы достигли. Мы остались живы, пройдя Груды Костей и Громодром, где я стала Тариндреллой Великолепной, дочерью Кенария, о чем всем вам, конечно, известно! А ты, – продолжала она, указав на Мурчала, тут же залопотавшего, забулькавшего так, что на губах его вздулся огромный пузырь слюны, – ты – Мурчал Неужалимый! Неузвимый для скорпидова яда! По-моему, превосходно, а?

– Мргле, мргле, Дрррхла, – согласился мурлок.

– Дрелла! – В глазах Макасы вспыхнул кровожадный огонек.

– А ты, – указала Дрелла на Клока, склонившего мохнатую голову на сторону, – ты теперь Клок Отмщенный!

Под этим имелся в виду подвиг гнолла, лишившего головы огра Марджака – врага грозного и жуткого, погубившего многих сородичей Клока из стаи Древолапов.

– А Арам станет Арамаром Торном, Воином Света!

Арам невольно кивнул, радуясь, что Макаса его не прикончила прежде, чем он успел услышать свое «славное истинное имя». А порождено это имя было одним из самых странных их прибабасских приключений, когда Арам едва избежал гибели от рук своего заклятого врага, Малуса. Опутанный тенетами темной магии, Арам выхватил из-за пояса рукоять Алмаз-

ного Клинка, развеял чары и бежал. Да, в тот момент клинок сослужил ему добрую службу, однако в кошмарах оружие Света почему-то не появлялось, и от этого он чувствовал себя таким беззащитным...

– ДРЕЛЛА! – Макаса раздула ноздри, шумно засопела, а это никогда не предвещало ничего хорошего.

– А ты – Макаса Связующая! – ничуть не испугавшись, пропела дриада и обошла Макасу кругом на тонких оленьих ножках.

Бабочка в ее волосах вспорхнула и приземлилась на предплечье Макасы, но лишь затем, чтобы, спустя секунду, оказаться раздавленной в разноцветную пыль. Дрелла, не заметив ее гибели, запрыгала, негромко запела что-то себе под нос.

– «Связующая»? – Макаса поморщилась так, что шрамы на ее лбу и левой скуле причудливо изогнулись. Клок залился визгливым истерическим хохотом, однако под взглядом девушки тут же умолк.

– Выходит, Арамар – Воин Света, а я – какая-то там «Связующая»?

– Да! Связующая, потому что ты – то самое, что нас всех соединяет! Как клейстер! Только прочнее! Куда как прочнее, чем клейстер!

Вот это вправду заставило юную девушку – рослую, мускулистую, скорую на руку – остановиться и призадуматься. Арам знал: если хоть что-то на свете и может ошарашить сестру, то это – искренние чувства. Когда бы он ни дерзнул назвать ее вслух «сестренкой», она чаще всего уступала любимым его просьбам.

– Чудесно. Великолепно. Я – Связующая, – проворчала Макаса и стерла с руки останки бабочки, пока дриада их не заметила. – Теперь вы меня слушаете?

Умолкли все – даже Дрелла, удовлетворенная тем, что сказала свое слово и нарекла всех «славными истинными именами».

«Пниоблако» тем временем поднялся ввысь, унося Газлоу, Мавзоля и Шустра навстречу устраиваемым МИГА состязаниям. Громкий рокот машин становился все тише и тише.

– Все мы сыты и как следует отдохнули, – заговорила Макаса. – Думаю, эту долину лучше всего пройти только с одной остановкой. Да, путь будет нелегок, изнурителен, но, по-моему, задерживаться здесь дольше необходимого не хочется никому.

– Согласен, – кивнул Арам, сощурившись на дым за спиной Макасы и сморщив нос. – Потяните чем-нибудь рты. Пожалуй, дышать всем этим дымом не стоит.

– Арам прав.

Подобные признания со стороны старшей, куда более опытной девочки неизменно пробуждали в сердце Арама гордость. Долгое, долгое время он даже представить себе не мог, что услышит от нее подобную фразу. Было это в те дни, когда его каждое утро приходилось будить тычком да пинком на борту «Волнохода». Однако теперь они с Макасой, прикрыв рты полами рубах, бок о бок тронулись в путь, шагнув в клубы черного дыма, преграждавшего дорогу к Дозорному холму Тал'дары.

Как ни странно, маленький зеленокожий Мурчаль рванулся следом и зашагал рядом с Арамом, шлепая лапами по усеянной пеплом земле.

– Мргле, нк теергле, блурлем н Мурчаль тилургл-гургл, – пробулькал он, взмахнув крохотным копытом и с нетерпением указав им в глубину долины.

Все прочие, включая Арама, беспомощно оглянулись на Дреллу, неплохо выучившуюся языку мурлоков от своего наставника, друида ночных эльфов Талисса Серого Дуба.

– Он говорит: да, нужно поторопиться, – перевела Дрелла, шедшая следом за Мурчалем, после чего наклонилась, подхватила мурлока и усадила на спину, чтоб он не обжег босых лягушечьих лап о раскаленную землю. – Он говорит, надо бы поспешить, не то его славным истинным именем станет «Мурчаль Слегка Подрумяненный».

Глава вторая. Слегка подрумяненные

Взглянув на соратников, Макаса увидела, что головы их угрожающе склонены книзу. Семь часов хода по суровым, черным просторам Обугленной долины – и их боевой дух, будь он вещью, которую можно взять в руки, лег бы в дымящуюся землю под ее ногами. Макаса шагала и шагала, вдыхая только по необходимости, шурилась от едкого дыма и крепко сжимала в пальцах цепь на груди, как будто тянула себя вперед, чтобы идти поскорей.

Обернувшись, она бросила взгляд на Арама, державшегося в полуметре позади. Пока что они с Клоком справлялись лучше всех. Мозолистые подушечки лап и густой мех неплохо защищали Клока от беспощадного жара. В его свалывшейся шкуре уютно, будто снежинки, устроились хлопья пепла, вечно подергивающийся нос забавно посвистывал и сопел. Плечи Арама поникли, однако он шагал без жалоб. Тогда Макаса перевела бдительный взгляд в сторону Дреллы, рысцой подбежавшей к засохшему дереву. Глаза дриады блестели от наворачившихся слез, однако во взгляде чувствовалась сосредоточенность, деловитость. Подняв руку, она едва не коснулась изящными пальцами почерневшей коры. По всему ее телу пробежала дрожь, а в воздухе зазмеились потянувшиеся от дриады к мертвому дереву травянисто-зеленые токи магической силы. Увидев, как из трещин в коре прорастают крохотные побеги, Макаса ненадолго забыла обо всем остальном. Но вдруг Дрелла зажмурилась, вскрикнула, подалась назад. Видя, как самый меньший из их компании соскальзывает, падает с пятнистой спины дриады, Макаса застонала от досады.

Тем временем новая жизнь, проросшая из мертвого дерева, уже задымилась, затлела от беспощадного жара.

Все еще легкая на ногу, Макаса метнулась назад и вправо, подняв в воздух тучу мягкого пепла, тонким слоем укрывшего землю, затормозила рядом с Дреллой и подхватила Мурчала прежде, чем тот рухнул наземь.

– Что с ним? – спросил подбежавший к сестре Арам, вытирая со лба мурлока пятно копоти.

– Мурчаль нк блург млгер.

Огромные глаза Мурчала закатились под лоб. Дрелла ахнула и тут же закашлялась.

– О-о! Я думала, может, сумею исцелить эти деревья, но мои силы... Их просто еще маловато. И Мурчаль! Он же так слаб! Вот уж вправду слегка подрумянился.

С этими словами дриада выхватила мурлока из рук Макасы, против чего Макаса и не подумала возражать. Липкий от слизи, Мурчаль был вовсе не тем сокровищем, с которым жаль расставаться, однако ж Макаса, невольно нахмурившись, переглянулась с Арамом.

– Нет, – негромко сказала она, пока Дрелла приводила в чувство изнуренного Мурчала. – Остановливаться снова нельзя.

Взглянув на север, она зябко передернулась. С севера надвигались темные тучи, слишком уж низкие для дождевых. То была не обычная гроза, но какая-то странная пыльная буря. Что еще хуже, дневной свет разом померк, и теперь высокие острые скалы вокруг казались обугленными кинжалами, вонзавшимися в самое небо. Вдобавок, издали донеслись пронзительные, неуклонно приближающиеся крики, которых никто, кроме Макасы, похоже, не замечал.

«Драконы, – подумалось ей. – А от драконов нам не уйти».

Следы отряда позади исчезли, поглощенные буйными горячими ветрами, совсем запошившими пылью глаза. Макаса со вздохом утерла лоб. Не один час петляя среди драконьих гнезд и пламени, рвавшегося из расщелин в земле, они все перемазались в пепле и саже с ног до головы.

– Назад возвращаться нельзя, – сказала она, обращаясь к отряду. – До Дозорного холма уже ближе, чем до побережья. А, кроме того, чего мы достигнем, если вернемся?

Арам поправил заплечный мешок на спине, а Клок потянул носом воздух и громогласно фыркнул.

– Клок понесет мурлока, – предложил гнолл. – Пусть отдохнет. Клок сильный, еще не устал.

Однако нотки усталости в голосе Клока Макаса слышала превосходно. О боги, всем им пришлось нелегко... но контуры на карте, которую Макаса изучала на борту воздушного корабля, не менялись, как бы она ни желала обратного – нет, расстояние оставалось все тем же: Дозорный холм отделяли от берега два жутких дня пешего хода. Правда, на второй день земли долины должны были стать не столь суровыми, но ведь и первый день еще не миновал. Дрелла бережно передала дрожащего, бессильно обмякшего Мурчала Клоку, а тот, как сумел, прикрыл лицо бедного малыша отворотом кожаного доспеха.

– Нужно идти дальше, – повторила Макаса.

Остальные кивнули, но даже не сдвинулись с места. Тогда она снова бросила взгляд на Арама, принявшегося нервно тереть лямку заплечного мешка.

Словно бы в доказательство ее правоты, зловещую тишину долины рассек многоголовый пронзительный визг. Чем дальше они мешкали, тем длинней становились тени. Наконец, Макаса с силой дернула цепь на груди, размотала и для пробы взмахнула ею пару раз, описав несколько кругов над головой. Неяркие отсветы тлеющих огней мерцали, приплясывали, обманывая взор, однако крики проголодавшихся хищников она узнала, как только услышала их голоса. Возможно, днем маленькие дракончики, едва покинувшие скорлупу, предпочитали сторониться путников, но вскоре в небо поднимутся их взрослые сородичи, и об этой роскоши придется забыть.

Черные драконы... Макаса заранее представляла себе огромные крылья, заслоняющие луну.

– Как это ни печально, – сказала она, становясь во главе отряда и поправляя повязку, прикрывавшую рот, – но пыльная буря впереди, возможно, наш лучший шанс. Того, чего не видишь, даже дракону не утащить.

– А может, я смогу договориться с драконами!

В голосе Дреллы слышалась обычная самоуверенность, но с виду и она здорово пала духом. Однако ж дриада, поднимая фонтанчики теплого пепла из-под копыт, подкакала к Макасе, а рядом с ней, ясное дело, тут же встал и Арам.

– По-моему, безнадежное это дело, – предупредила Макаса. – Вряд ли драконы – большие любители поболтать.

– Тебе этого знать неоткуда. Вдобавок, они никогда не беседовали с такими, как я! – парировала дриада.

– Дрелла, не время сейчас рисковать! Туда, в бурю! – велела Макаса, и как раз вовремя: из-за завесы пыли раздался новый пронзительный крик. А еще – Макаса могла бы поклясться – сопутствующий ему ветер был поднят взмахами крыльев хищника.

Тропа свернула на северо-восток, холмы сгрудились теснее, навстречу отряду спешили буйные смерчи пыльной бури. Первым вихрь накрыл Клока, и тот залился смехом пополам с икотой – не от веселья, от неожиданности. Макаса, склонив пониже голову, вонзилась в стену песка, точно гарпун. Ветер нещадно хлестнул по щекам и костяшкам пальцев, но цепи она, убежденная, что теперь, когда солнце так низко, драконы последуют за ними быстрее, не опустила. Лицо ее было прикрыто, и все же рот сразу же наполнился пылью, в глазах зашипало, по щекам покатались слезы. Арам что-то крикнул, однако за воем ветра Макаса его не слышала.

– Что?! – как можно громче переспросила она, но голос будто застрял в пересохшем горле, запорошенном песком.

Казалось, Арам кричит что-то вроде: «перхоть!». Но такого быть наверняка не могло.

Макаса рванулась в сторону, обогнула Дреллу и оказалась плечом к плечу с братом.

– Еще раз!

– СВЕРХУ!

Пригнув голову, Арам схватил Дреллу за тонкую шейку и потянул за собой. Предостережение слегка запоздало, и, подняв взгляд к небесам, Макаса увидела огромную угольно-черную тень, пикирующую прямо на них.

Рык, скрежет зубов, едкая серная вонь, частое хлопанье огромных перепончатых крыльев – вот и они, драконы...

В одном она оказалась права – в том, что от драконов им не уйти, а вот во всем остальном Макаса жестоко ошиблась. Буря драконов вовсе не отпугнула – наоборот, придала им храбрости. Такова была последняя мысль девушки, прежде чем острые когти вцепились в ее куртку и глубоко впились в кожу, а в следующий миг дракон, взревев, потащил ее вверх.

Оставшиеся на земле завопили от страха. Чувствуя, как бешено бьется сердце в груди, Макаса изо всех сил стиснула в ладонях оружие: только бы не потерять! Ветер рвал цепь из рук, но Макаса, не разжав пальцев, хлестнула ею вверх, рассчитывая, по крайней мере, удивить похитителя. Плечи заныли от боли, кровь пропитала рубашку насквозь. Может, от крови она станет такой скользкой, что не удержать? Может быть, буря пересилит и вырвет ее из драконьих лап? Может быть... может быть... может быть...

Но крылатая тварь, чтоб ей лопнуть, была слишком сильна и огромна – величиной, по меньшей мере, с четырех лошадей. Не в силах ни шевельнуться, ни даже собраться с мыслями, Макаса снова хлестнула дракона цепью, но та только содрала с его тела пару засохших чешуек. Дракон махал крыльями что было сил, но с мощью пыльной бури почти не справлялся, и в сердце Макасы забрезжила надежда: быть может, ветер не позволит зверю подняться угрожающе высоко? Внезапно крылатые чудища затеяли пронзительную, тревожную переключку, и в следующий же миг Макаса услышала странный звук. От края до края долины разнесся долгий, басовитый рев – но не драконий, гораздо более обнадеживающий.

Макаса напрягла слух, стараясь расслышать что-либо сквозь поднятый драконами гвалт и завывания ветра, и вот за ревом последовал топот, топот множества массивных лап. Доносился он с севера – оттуда, куда и направлялся отряд, и, пока хищник боролся с ветром в тщетных попытках вырваться из объятий бури, на склоне горы показалась подмога. Вниз, в долину, поднимая в воздух еще одно, собственное облако пыли, полным ходом неслись три огромных расплывчатых силуэта. Все прочие драконы с детенышами, завизжав, бросились врассыпную, но похититель Макасы замешкался, и эта ошибка стала для него роковой.

Свист рассекающих воздух стрел, направленных в них, заставил Макасу сжаться в комок. Снизу вновь раздались крики – крики друзей. За ними последовало пение новой волны стрел, и этот залп угодил прямо в цель. Утыканный стрелами, несший Макасу дракон вздрогнул всем телом, задергался, взревел от внезапной боли. Собравшись с последними силами, девушка еще раз взмахнула цепью, направив удар вверх. Удар оказался точен: конец цепи захлестнул петлей древко, торчавшее из передней лапы дракона, и Макаса с пронзительным воплем дернула цепь на себя.

«Получилось!» – подумала она.

Однако за этой мыслью немедля последовала другая: «О, нет...»

Стоило ей добиться успеха, оба стремительно понеслись навстречу земле. Под новым неодолимым натиском бури Макаса в страхе зажмурилась, живо представив себе жуткий удар, живо представив, что ее ждет, когда ветры разом утихнут, а ей останется только одно – падать, падать...

Глава третья. Передышка

– Макаса! Слышишь меня? Макаса...

Этот сон снился ей уже сотню раз. Ее звала мать, и материнский голос звучал, точно колыбельная. Макаса гналась за ним сквозь тьму, неподатливую, как океанские воды. В воздухе пахло морской солью, пахло гарью пожара. Лицо матери, прекрасное, затуманенное, ждало впереди – еще чуть-чуть, и рукою дотянешься, – но, стоило приблизиться, отступало, отодвигалось во мрак. Однако Макаса не сдавалась, рвалась вперед сквозь вязкую тьму, и, наконец, миновала ее, да только угодила вовсе не в объятия матери. Сердце ее сжалось от ужаса: по ту сторону тьмы, скаля зубы в мертвой, окоченевшей улыбке, ожидала жуткая тварь, окутанная сладковатым запахом тления.

– Слышишь меня? – выдохнуло чудовище сквозь желтозубый оскал. – Макаса, слышишь?

Защищаясь, Макаса вскинула руки, нанесла удар, села... и ахнула, увидев перед собою Арама, отшатнувшегося назад, держась за ушибленную скулу.

Не удержав равновесия, он с маху уселся в грязь и захихикал.

– Ага, стало быть, слышит...

Лица еще двоих, склонившихся над Макасой, оказались ей незнакомы, а принадлежали пурпурнокожим калдорай. Ночные эльфы... Макаса со стоном пощупала одно плечо, затем другое, но принесло это лишь новый приступ головокружительной боли. Вновь опустившись на землю, она обнаружила, что устроили ее на подстилке из листвы и мягкого лапника.

Бронированный дублет с нее сняли, рубашка оказалась в крови, но не слишком изорвана. Рукава рубашки приспустили, чтоб обработать раны, и Макаса принялась к жирной мази на разодранных драконом плечах. Да, от мази явственно веяло чем-то пряным, наподобие морской соли, но не столь резким. Теперь понятно, откуда этот запах взялся во сне. Покосившись влево, она разглядела на юге, над долиной, темную пелену, что объясняло и запах гари. Однако пыльная буря улеглась, а драконы кружили вдали, направляясь назад, к берегу моря.

– А ты – неплохой боец, – задумчиво пробормотал ночной эльф ростом повыше. Его длинные серебристые волосы были стянуты в хвост и перекинута через плечо. Держа на сгибе локтя оперенный шлем, он взирал на Макасу слегка мерцающим бледно-лиловым глазом – другой, вероятно, поврежденный, прикрывала полоска зеленой кожи.

– Моя цепь!

Разом вскинувшись, Макаса вновь села и тут же пожалела об этом, но сердце в груди забилося с угрожающей быстротой: что, если эта треклятая тварь улизнула с ее любимым оружием?

– Цепь здесь, – заверил сестру Арам, хлопнув по прикрытой ее дублетом кучке вещей возле изножья постели. – Дракона сбили Ийнет с Лларан. Ни шанса ему не оставили!

При виде Арамова восторга Макаса невольно фыркнула. Младший братишка сиял, глядя на ночных эльфов (сами они называли себя Часовыми) с одинаковыми длинными луками, дугой возвышавшимися над головой. Да, пожалуй, восторгался он не без оснований, ведь калдорай ухитрились с безупречной точностью попасть в дракона, окутанного тучей пыли, и при этом не пристрелить ее, Макасу!

Часовая по имени Лларан уступала Ийнету в росте разве что на волосок. Оба они были схожи и тонкими чертами лиц, и изящными длинными носами, и губами, словно бы постоянно поджатыми от изумления. «Брат и сестра, – рассудила Макаса. – Может быть, даже двойняшки».

– Айель отправила вперед сову, – сообщила ей Лларан. – Предупредить Дозорный холм о вашем приходе. Оттуда наверняка захотят послать сюда побольше патрульных, чтобы управиться с этими скопищами драконов. Слишком уж те в последнее время осмелели.

Присев рядом, она принялась осматривать рану на плече Макасы. Боль, вопреки ожиданиям, оказалась не такой уж сильной: наверное, помощь ночных эльфов не ограничилась одной перевязкой. Однако доверять им, пока у Арама при себе этот вот самый компас, Макаса не торопилась. Она понимала: соглядатаем может оказаться любой встречный.

– Спасибо вам, – не торопясь, проговорила Макаса. – Из этого переплета мы бы живыми не выбрались.

– Мы? Скорее уж, ты, – поддразнил ее Арам. – А мы бы прекрасно убежали от этой бури. Макаса лягнулась в его сторону, и он расхохотался.

– Отдохните до поры, – приятным рокоचущим голосом сказал Ийнет. – Скоро Айель приготовит поесть, а когда вы наберетесь сил, отправимся к Дозорному холму Тал’дары вместе.

С этим ночные эльфы отошли, хотя и недалеко: лагерь они вместе со спутниками Макасы устроили рядом, за невысоким каменистым холмом. Оглядевшись вокруг, Макаса осталась вполне довольна. Место для лагеря оказалось стоящим: укромное, и защищаться легко. Удушливый воздух Обугленной долины здесь становился свежее, а кое-где из трещин в земле даже пробивалась молодая зеленая травка. На западе неярко мерцали несколько могильных камней, а рядом с ними росло чахлое деревце с кустиками дикого сталецвета у самых корней. Треск недалекого пожара почти заглушал негромкие голоса остальных.

Спутники...

Макаса вновь опустилась на импровизированную койку, усталая, но не только. Да, дело было не только в усталости.

– Я чуть не погубила нас всех, – крепко зажмурившись, сказала она. – Не отыскиали б нас эти разведчики...

– Не думай об этом, – откликнулся Арам.

Вытащив из кармана капитанского плаща грязную тряпку, он утер ею лицо, после чего оно вряд ли стало хоть чуточку чище. Сажа и копоть долины глубоко въелись в смешливые морщинки возле уголков его глаз, и от этого Арам казался значительно старше своих жалких двенадцати лет. На миг Макасе почудилось, будто перед ней – их отец, Грейдон Торн.

– Что нам оставалось делать? – продолжал он. – Вернулись бы – застряли на берегу, да еще для этих чудовищ стали бы легкой добычей. Так что, Макаса, с бурей ты придумала здорово, просто все обернулось не по твоему замыслу.

– Ага. Потому и выходит, что замысел был дурацкий.

– Но ведь обошлось же, верно? – со вздохом возразил Арам. – Везения заранее не запланируешь, на него можно только надеяться. Зато теперь ты можешь хвастать, что побывала в когтях дракона и осталась жива! Мне просто не терпится все это нарисовать.

– По-моему, немного везения мы тоже заслужили.

Арам согласно кивнул, пряча тряпку в карман. Видя, как его рука невольно потянулась к вороту, Макаса поняла: он с трудом сдерживает желание нащупать компас. Может, из-за этой штуки под рубахой, из-за символа выпавшей на его долю задачи восстановить Алмазный Клинок и спасти Свет, из-за прощального дара отца, якорем повисшего на шее, он и выглядит старше собственных лет? Теперь и он, в свою очередь, приуныл, а потому Макаса, осторожно, чтобы не потревожить израненных плеч, поерзав, понизила голос и спросила:

– Ты веришь этим ночным эльфам насчет того, кто они и откуда?

Блеснув глазами в отсветах пламени, Арам перевел взгляд в сторону их отряда – или, вернее, в сторону Дреллы. Заботясь о дриаде, похоже, обладавшей немалым талантом отыскивать неприятности на свою шею, Арам впервые в жизни почувствовал вкус ответственности.

– Ты думаешь, я слишком доверчив? Но ведь им ни к чему было нам помогать. Сквозь эту бурю они просто не могли разглядеть, кто мы. Я им кричал, чтоб тебя не зацепили, но кто знает, услышали ли они? По-моему, верить им можно. Пусть только до Дозорного холма нас доведут, а после – на здоровье, подзревай их, в чем хочешь.

Макаса кивнула. Подозрений она не оставила бы, даже если б этот вонючий целебный бальзам ночных эльфов развеял своим волшебством темные тучи над головой.

– Словом, я рад, что ты так поступила, – сказал Арам, поднимаясь на ноги. – Не тревожься о буре, Макаса: ты все решила верно. Кто знает, сумели бы мы добраться сюда сами? Ну а теперь поспи. Я жду не дождусь, когда этот переход кончится!

Блекло улыбнувшись брату и проводив его взглядом, Макаса улеглась поудобней на ложе из листьев. «Не тревожься о буре»... но как? Как она могла не тревожиться? Как могла забыть о буре, ожидающей их впереди, несущей навстречу не просто пепел и пыль, а воинов, острую сталь и холодную, жуткую жажду мести? Может, сейчас Малус и сбился со следа, однако Макаса ни минуты не сомневалась: с этим мерзавцем они еще встретятся. Сколько от Малуса ни бегай, он явно не из тех, кто так запросто сдастся.

Сон никак не приходил, однако Макаса закрыла глаза и строго-настрого велела себе выкинуть из головы все мысли о рокоте барабанов войны вдали.

Глава четвертая. Дозорный холм

К тому времени, как отряд, перевалив через последнюю горку, достиг места назначения, Дозорного холма Тал'дары, Арам чудом держался на ногах. Хотя второй день похода оказался не таким жарким, это не сделало его менее трудным. В Обугленной долине им встретила уйма опасностей, но как только отряд миновал ее суровые дымящиеся просторы, путь круто пошел на подъем. Дорога в обход долины Боевого Шрама неуклонно вела в гору, зато вокруг хотя бы имелись деревья – не тлеющие, живые, с листвой зеленой, точно драгоценные изумруды. Вся эта буйная зелень необычайно ярко выделялась на фоне голых, разоренных земель самой долины, поля затяжной битвы Альянса с Ордой. Над головами, перекликаясь, кружили орлы – казалось, их резкие крики способны пронизывать горы насквозь, бараны, завидев путников, разбегались с дороги, и после хрусткой черной земли, оставшейся позади, все эти признаки жизни вселяли в душу надежды.

Часовые вели в поводу огромных, отливающих перламутровым блеском ночных саблезубов, с привычной легкостью одолевавших кручи холмов. В седле одного отдыхал Мурчаль, до смешного крохотный в сравнении с таким могучим зверем. На полосатом звере Ийнета, разумеется, ехала Макаса, еще не оправившаяся от ран. Губы девушки были неизменно сжаты в тонкую суровую нитку – слегка улыбалась она лишь всякий раз, когда разведчик ночных эльфов, поравнявшись с ней, принимался расспрашивать о ее самочувствии.

Клок, ясное дело, ехать верхом упрямо отказывался, а Дрелла и без того резво, уверенно скакала вперед на оленьих копытцах. Рассудив, что вполне в силах идти пешком, Арам приотстал от Айель. Если уж совсем-совсем начистоту, ему хотелось проделать остаток пути рядом с Дреллой. Путешествие к Дозорному холму было затеяно с тем, чтоб разорвать магические узы, соединившие их, едва она появилась на свет, и Арам сознавал, что предстоящее внушает ему нешуточную тревогу. Как-то он после этого станет к ней относиться? Что, если Дрелла станет к нему равнодушна, а то и вовсе холодна?

– Есть в вас обоих что-то необычное, – заметила Лларан, долгое время не сводившая с них неярких фиалковых глаз. – Трудно описать, но я чувствую... чувствую...

– Связь? – подсказала Дрелла, закивав Часовой и встряхнув бирюзовыми кудряшками. – Да, нас связывают необычные узы, потому-то мы и пришли сюда, в такую даль. Понимаешь, я родилась из желудя – из прекрасного крохотного домика. В нем было очень уютно, но тесновато. Ну, а когда я оттуда вышла, первым, кого я увидела, оказался Арамар Торн, и теперь мы с ним связаны на всю жизнь! Разве не восхитительно?

Прикрыв глаза, Дрелла запрокинула голову, явно очень довольная собственным объяснением.

Глядя на них, Лларан заморгала, и на губах ее вновь появилась слегка удивленная улыбка, успевшая сделаться для Арама привычной.

– Но ведь дело наверняка не в одном только этом? Не обладаешь ли ты случайно, мальчик, познаниями друида?

– Нет, если честно, – беспомощно развел руками Арам. – Сюда нас отправила друид-хранительница, чтоб разорвать эту связь и... э-э... связать Дреллу с кем-нибудь другим. С кем-нибудь более... – «Каким? Знающим? Понимающим? Мудрым?» – Более друидливым, – неловко поежившись, закончил он.

– О! Новое слово! – изумилась Дрелла.

– И в самом деле. – Лларан погрузилась в раздумья, но вовсе не о новом слове, изобретенном Арамом. – О рождении на свет дриад я слышала, однако думала, что для этого нужен друид-хранитель, и устанавливающаяся между ним и дриадой связь позволяет дриаде учиться. А вот о том, чтобы с подобной задачей справился... человеческий мальчик, я не слыхала еще

никогда, однако связь вашу чувствую определенно. Странное дело, – изумленно проговорила она.

Макаса, которая покачивалась впереди на спине Ийнетова саблезуба, подозрительно громко закашлялась: из-за недавней дымовой ванной этот кашель прозвучал более резко.

Арам покраснел. Да, верно, сестра не доверяет никому, даже эльфам, спасшим ее от гибели, а он тут выбалтывает Лларан все секреты насчет предстоящего дела! Но, с другой стороны, чем это может им повредить? Рано или поздно объяснять причины похода к Дозорному холму, как ни крути, а придется, и потом, ни о компасе, ни об осколках он и слова не сказал...

– Так вот, – запинаясь, закончил мальчик, – из-за этой связи мы и идем к друиду по имени Тал’дара. Чтоб... чтобы ее расторгнуть.

Стоило выговорить это вслух, на сердце сделалось тяжело. Да, Арам вполне понимал, отчего эти узы следует передать кому-то другому, но это не значило, что расторжение уз ему по душе. Ему нравилось быть особенным – тем более, особенным для Дреллы, самого изумительного создания из всех, кого ему только довелось повстречать. Украдкой покосившись на нее, он принялся наблюдать, как Дрелла бережно подбирает поникшие дикие цветы вдоль тропы и плетет из них венок.

– Стреляя в этого дракона, – негромко, задумчиво проговорила Лларан, – я даже вообразить не могла, что выручаю из беды столь необычный отряд путешественников.

– Да нет, не так уж мы необычны, – возразил Арам, зная, что Макаса по-прежнему мечет в него из глаз молнии. – Если уж честно, наоборот, совершенно обыкновенны. А эта связь... просто случайно вышло. У меня в жизни куча такого... в смысле, разных случайностей.

– Не говори глупостей, – сказала Дрелла, пристроив венок поверх его испачканных сажей волос и захихикав. – Случайностей в этом мире не бывает.

Сердце Арама ожило, бешено забилося в груди. Казалось, от ее лучезарных, нежных глаз, от сложенных под подбородком ладоней не оторвать взгляда. «Случайностей в этом мире не бывает...» Неужто она хочет сказать, что связь их каким-то образом предначертана загодя? И настолько важна для нее?

Широким жестом она указала на окружающий их пейзаж.

– Все в мире совершенно. И ты совершенен – просто по-своему.

Почудилось Араму, или нет, однако Макаса, ехавшая впереди, будто бы фыркнула, и сердце его забилося спокойнее.

После этого Арам умолк и только старался не пыхтеть слишком громко: подъем становился все круче и круче, так что по петляющей тропе к Дозорному холму Тал’дары он вскарабкался чуть ли не на четвереньках. Пройдя под полированной пурпурной аркой, сверкающей тонкими призрачными прожилками, мокрый от пота, выбившийся из сил Арам принялся обмахиваться полой рубашки. Глядя, как Макасе помогают сойти с саблезуба, он всей душой надеялся, что ей необходим отдых, так как – Свет тому свидетель – отчаянно нуждался в отдыхе сам.

Казалось, аванпост на Дозорном холме нарочно устроен наподобие противоядия, целебного средства от мрачных, окутанных дымом холмов Обугленной долины. Негромкая музыка, таинственная и прекрасная, точно звездный свет, кольцо высоких деревьев, обступивших надежной стеной россыпь домиков, включая сюда и добротную выстроенную таверну...

Первой их заметила отправившаяся вперед Айель, а за нею и прочие Часовые. Похоже, Ийнет был среди них единственным мужчиной: не прошло и минуты, как отряд окружили со всех сторон любопытствующие ночные эльфийки в доспехах. На плече Айель устроилась охорашиваться бурая сова, даже за чисткой перьев не сводившая зоркого взгляда с усталых путников.

– Быстро же вы добрались, – заметила Айель, выступив вперед, чтобы помочь остальным спешиться.

– Они еще юны, – откликнулась Лларан, – но стойки.

Макаса, попятившись от Часовых, встала рядом с Арамом. Несмотря на перевязанные плечи, она выпрямилась во весь рост, расправила грудь, оглядела собравшихся вокруг эльфиек, откашлялась и во весь голос объявила:

– Мы пришли сюда, чтоб увидеться с мастером Тал’дарой. Будьте добры, позовите его.

Арам толкнул сестру локтем, но, помня о ее ранах, лишь самую чуточку.

– Не то – что? – поддразнил девушку Ийнет, осторожно опуская на ноги Мурчала.

Мурлок, поправив сети и копьцо на спине, немедля уселся наземь и вытянул перед собою огромные ласты. Клок выглядел столь же изнуренным, однако держался прямо – только глаза протер грязными лапами.

– Не спешите, юные гости, – продолжал Ийнет. – Мастера Тал’дару мы к вам позовем, но, кроме того, вы должны отдохнуть.

– В самом деле. Отдохните здесь, с нами, хотя бы недолго. Беседы о чарах друидов, магических узах и обо всем остальном никуда от вас не уйдут, но, может быть, делами лучше заняться после еды? – в свою очередь пожурила их Лларан.

Зная, насколько Макаса не любит нотаций, Арам загодя дернул сестру за рукав, но сейчас она, в кои-то веки, затевать перебранки не стала. Вздохнув, девушка потрогала одну из свежих повязок и заметно поморщилась.

– Конечно. Но мы спешим отправиться дальше. Мы ведь пришли в такую даль совсем не затем, чтобы...

– А откуда же вы пришли? – спросила Лларан.

Однако дожидаться ответа ей было не суждено. Из толпы появилось новое лицо – куда шире эльфийских, а еще значительно более мохнатое. Рука Арама сама собой полезла в карман за блокнотом, Макаса же первым делом потянулась к абордажной сабле. С улыбкой вышедшая навстречу гостям, девочка-тауренка ахнула и вскинула вверх трехпалые руки. Нет, то была вовсе не засада Орды, как, очевидно, заподозрила Макаса, а просто еще одна из жительниц аванпоста.

– Еще одна дриада?! Здесь?!

Рослая, выше Макасы, тауренка заплетала длинные, черные с рыжиной волосы в косы, а с плеч ее ниспадало до самой земли просторное складчатое одеяние, расшитое по вороту и рукавам разноцветными перьями пополам с бисером. Но самой поразительной, яркой ее чертой оказались глаза – блестящие, круглые, лучащиеся неудержимым дружелюбием, немедля напомнившим Араму о Дрелле.

– Я так хотела повстречаться еще с одной дриадой! Во имя Матери-Земли, у меня столько вопросов!

Дрелла, слегка пританцовывая, точно они вовсе не шли пешком два дня кряду и не устраивали привала на кладбище, усыпанном пеплом, выступила вперед. Часовые взирали на тауренку с непроницаемыми лицами.

– Привет тебе, наш новый друг! Я – Тариндрелла Великолепная, а это – Мурчаль Неужалимый. Вот этот мохнатый малый – Клок Отмщенный, а тот, в большущем плаще – Арам, Воин Света, а злая девчонка с устрашающей цепью – Макаса Связующая. Знакома ли ты с мастером Тал’дарой?

– Титулы, вопросы, а уж сколько юношеского задора!

Арам отвел взгляд от странной встречи, состоявшейся на его глазах. Новый голос гремел из уст рослого, крепко сложенного ночного эльфа. Млечно-синяя кожа; лицо, обрамленное невесомой, как дымка, узкой бородкой с вплетенными в нее перьями и листьями; такое же, как у тауренки, длинное одеяние, только богаче украшенное, а поверх него неярко мерцает магической силой причудливая броня...

Эльф тяжело опирался на посох, и, видя, как тауренка, присмирив, отступила назад, Арам сразу же догадался: вот он, тот самый, к кому они шли.

– Титулы, вопросы, – со смехом повторил эльф, окинув живым, озорным взглядом каждого из путников. – Теперь вам ничто не грозит, а мы рады вас видеть. Взгляните, как заплясали с вашим приходом огоньки в лесных зарослях! И даже мои Часовые приятно взволнованы.

Дрелла сделала крохотный шагок вперед, изящное копытце дриады вопросительно повисло в воздухе на полпути к земле.

– Ты – мастер Тал'дара?

– Да, это я, – глубоким, исполненным добродушия голосом отвечал ночной эльф. – Похоже, меня-то вы и ищите. Ну что ж, если так, ваше путешествие подошло к концу.

Арам разом расслабился. Казалось, волна облегчения омывает его с головы до ног, точно прохладная вода. Пусть даже друид ошибается, пусть даже их путешествию еще далеко не конец, временному покою и безмятежной, как будто их вправду не тревожит ничто на всем белом свете, улыбке Дреллы он радовался всей душой.

Глава пятая. Ужин с друидами

Стряхнув со страницы блокнота крошку кимчи, Арам негромко ругнулся себе под нос. Рисовать все, что увидел, сойдя с борта «Пниоблака», он начал, не дожидаясь завершения ужина. После первого же глотка свежего фруктового сока и нескольких ломтиков жареного шалфокуня с острой капустой кимчи к нему снова вернулись жизненные силы, а с ними – неодолимая тяга к рисованию, и потому он изо всех сил старался набивать рот угощением, запивать пищу соком и работать карандашом, не насвинячив вокруг.

Получалось не очень, но вот, наконец, он сумел набросать длинный обеденный стол посреди таверны и всех, кто за ним собрался. Во главе стола сидел мастер Тал'дара, а рядом с ним – Дрелла и их новая знакомая, тауренка.

– Галена, – вполголоса представилась она, когда все отправились в таверну, чтоб сбросить с плеч ношу и передохнуть. – Галена Грозное Копье! Состою в Круге Кенария... то есть, при мастере Тал'даре. Он учит меня всему, что сам знает. Все это просто... вы даже не знаете, как это здорово – познакомиться с вами! Жизнь здесь порой становится чуточку...

Тут она, зная, что учитель вслушивается в разговор, осеклась, но Арам без труда заполнил пробелы и сам. Ее восторг, ее душевный подъем был очевиден, как и удовольствие Дреллы при виде такого восхищения собою со стороны юной тауренки, обучающейся друидскому ремеслу. Похоже, однообразие жизни на Дозорном холме Тал'дары ее тяготило, и теперь Галена с невероятной скоростью забрасывала гостей вопросами. Мало-помалу у Арама сложилось стойкое впечатление, что большинство ночных эльфов не желает увильнуть от обязанностей ради разговоров с ней, и до появления путешественников тауренке уже давненько не доводилось видеть дружеских лиц.

Откуда они пришли? А как обогнули поле битвы в долине? А что за дело у них к мастеру Тал'даре? А можно ли ей помогать в этой церемонии насчет магических уз? Казалось, головокружительному вихрю вопросов не будет конца, и на каждый Дрелла была просто счастлива дать ответ. Впрочем, так было даже лучше: у остальных – особенно у Макасы, расположившейся от Галены как можно дальше – давным-давно лопнуло бы терпение. Как только они добрались до таверны, им принесли воды для умывания, дали немножко перекусить, а в скором времени, едва снаружи стемнело, Лларан заглянула в комнаты к каждому и позвала всех вниз. Когда все спустились на первый этаж, Арам, почти не слушая, как Галена засыпает Дреллу градом вопросов, поскорей принялся за еду, а Макаса задумалась, устремив мрачный взгляд в тарелки с похлебкой и рыбой.

Спустя какое-то время Дрелла взяла разговор в свои руки и сама начала расспрашивать обо всем, что ни придет в голову, перескакивая от темы к теме безо всякой связи и логики, а Галена, слегка сконфуженная, изо всех сил старалась за ней поспевать. Наделенная явными задатками друида, тауренка оставила Мулгор в ранней юности и вскоре сделалась ученицей некоего служителя Круга Кенария в Фераласе, но у него училась недолго. Как только они получили письмо, извещавшее всех членов Круга Кенария о том, что мастер Тал'дара, наконец, пожелал взять себе нового ученика, Галена ухватила за эту возможность немедля. Оставалось только гадать, не сожалеет ли она об этом – ведь, по ее же собственному признанию, быть единственной тауренкой на весь Дозорный холм оказалось делом нелегким.

– Гляди, не зевай, – заметила Макаса, осушив третью кружку фруктового сока. – По-моему, тебе предстоит состязаться за звание самого ярого обожателя Дреллы. Взгляни-ка на эти мечтательные взоры. Нет, мне ваших симпатий в жизни не понять: она же так надоедлива!

– Она, можно сказать, только-только на свет родилась, – напомнил сестрице Арам. Действительно, на свете дриада прожила – всего ничего, и, пусть взрослая умом и телом, взирала на мир во все глаза, с изумлением человеческого карапуза, едва выучившегося ходить. – И здесь, по-моему, просто здорово, разве нет? Еда, питье, безопасный ночлег... куда как лучше, чем бегать от огров по всему Прибамбаску!

– Клок скучает по дому, – вмешался в разговор гнолл, очевидно, тоже не понимавший, с чего бы дриаде и тауренке этак подлизываться друг к дружке. – Клок скучает по настоящей еде.

Наскоро искупавшийся в ванне и отряхнувшийся, после чего сделался гораздо чище, гнолл поднял стоявшую перед ним тарелку с рыбой, принялся и зарычал.

– Зачем они портят еду вот этим? – Подцепив когтем щепотку кимчи, он запустил ею через стол, так что шматок капусты шлепнулся прямо в тарелку Мурчала. – От этого нос чешется. В следующий раз Клок сырую рыбу возьмет. Арам им скажет. Арам дело исправит.

– Мргла, блургли лурк-келурк, – согласился Мурчаль, надув губы и с отвращением взглянув на кляксу кимчи.

- Нам – сырую, – со вздохом подытожил Клок. – Арам им скажет.
- Отыскав кусок рыбы, не залитый соусом, гнолл жадно впился в него зубами.
- Скажу, – усмехнувшись, заверил его Арам. – А по-моему, очень даже вкусно.
- Невкусно. Воняет, как в логове огра.

Арам захихикал.

– Да она просто сквашена!

– Тогда пусть Арам сам ест дерьмо огров. Клок еду будет есть.

Арам сгреб с тарелки Клока рыбу, покрытую наивкуснейшей острой кимчи, и принялся есть сам. То, что он без колебаний разделил пищу с гноллом, не прошло незамеченным.

– Как ни жалко мешать этакому единению, – вмешалась Макаса, – но не забывай, зачем мы сюда пришли. С утра первым же делом узнай, как избавиться от связи с Дреллой, а после сразу отправимся дальше. И об осколках...

Понизив голос, Макаса тревожно взглянула вдоль стола, на мастера Тал'дару, но тот, поглощенный беседой с Галеной и Дреллой, не обращал на нее никакого внимания.

– И об осколках не забывай. Нам нужен план, а там – сразу уходим.

– Помню, помню, – заверил ее Арам.

От всего его аппетита не осталось даже следа. Крякнув, он захлопнул блокнот и потянулся к вороту рубашки, за компасом, спрятанным на груди. Стрелка по-прежнему указывала на юго-восток, в сторону Приозерья, и Арам неожиданно для себя самого проникся чувствами Клока – тоской по родному дому. Как не хватало ему простоты той, домашней жизни, в которой он знать не знал о волшебных осколках – жизни без Голоса Света, без гибели отца, Грейдона, и без известия о таинственном дядюшке Сильверлейне, и без странных магических уз, связавших его с дриадой...

Взгляд его сам собой устремился к дальнему краю стола, в сторону Дреллы. Та, распустив волосы по плечам, вместе с Галеной смеялась над чем-то новым.

– Ты так не похожа на Мири, другую знакомую мне дриаду! Ты словно бы... особенная, необычная, – сказала тауренка.

– Так и есть, – без капли стеснения откликнулась Дрелла. – Когда я вошла в пору лета, жизнь стала настолько радостнее! Впрочем, мне и без того почти всегда радостно.

– Это уж точно, – со смехом подтвердила Галена. – Что ж, хорошо бы и Мири вошла поскорей в пору лета, а то она вечно как-то... недружелюбна. По крайней мере, со мной.

Несмотря на оленьи ноги, дриаде каким-то непостижимым образом удавалось сидеть за столом с легкостью и изяществом. Связь... Арам понимал, что ее нужно разорвать, что Дреллу ждет великое будущее, но в глубине души ему отчаянно хотелось грудью встать на защиту связавших их уз. Когда этих уз не станет, их дружба может измениться навсегда.

Когда у всех начали слипаться глаза, а звезды на небе засияли в полную силу, мастер Тал'дара настоял на том, чтоб путешественники отправились спать.

– Избавление от уз начнем прямо с утра, – пообещал им мастер-друид. – За ночь мы с Галеной все приготовим, а сейчас вам пора хоть немного отдохнуть. Вы это вполне заслужили.

Макаса вскочила из-за стола и скрылась наверху. Остальные последовали за ней. Последним на ноги поднялся Арам. Ему хотелось поговорить с Дреллой прежде, чем все улягутся спать, но дриада рысцой побежала не к лестнице – к двери, в ночь.

– Хочу заночевать под звездами, – сказала она, радостно помахав ему и выскользнув за порог. – Местный лунный колодец так прекрасен, так ярко – славная будет компания!

– Спокойной ночи! – крикнул ей вслед Арам, окруженный друзьями, но вдруг почувствовавший себя совсем одиноким.

Комната наверху им с Макасой досталась одна на двоих. Рухнув в постель, девушка тут же уснула и захрапела, не успел Арам даже задуть свечу. Вскоре к ее похрапыванию присоединились Клок с Мурчалем: икота мурлока и поскуливание гнолла явственно слышались из-за

стены. Клок, несомненно, снова гонялся по лесу за ограми, а вот Мурчалю, наверное, снилось, как он ловит рыбу и помогает друзьям.

Усевшись на кровать, Арам обнаружил, что сна у него – ни в одном глазу, и потому взялся заканчивать набросок, сделанный за столом, с особым старанием потрудившись над мастером Тал'дарой и Галеной. Ему хотелось изобразить обоих как можно точнее, запомнить все их черты, все их «изюминки» не хуже, чем лица товарищей. Юная, нежная с виду, Галена ничем не напоминала тех грозных тауренов, с которыми ему довелось встретиться в Низинных Чашоббах. Разумеется, телом она была так же крепка и дородна, как и прочие таурены, но говорила едва ли не с акцентом ночных эльфов, а голос ее звучал выше и тоньше голосов соплеменников. Арам старательно запечатлел на пергаменте и ее длинные, затейливые косы, и озорную прядь черных волос, выбившуюся из прически.

Мастер Тал'дара кое-чем напоминал его покойного друга, Талисса Серого Дуба, терпеливого друида весьма почтенных лет, пожертвовавшего собой, чтобы спасти жизнь Арама. Головы обоих украшали длинные выющиеся волосы и аккуратные бороды, только в свою мастер Тал'дара вплетал множество украшений. Не забыл Арам и о добродушных, улыбчивых морщинках в уголках губ мастера, и о множестве перьев да бисера, нашитых на его кенарийские одеяния.

Нарисовал он и лунный колодец, и эльфов-Часовых – Ийнета верхом на саблезубе, Лларан с натянутым луком и Айель с верной совой. Однако после этого сон его по-прежнему не брал, и тогда он, раскрыв блокнот на чистой странице, разгладил ее ладонью. Клок уже заскучал по родным краям, и он, Арам, тоже. Взглянув на свечку, он рассудил, что света вполне достаточно, чтоб написать письмо домой.

«Матушка», – написал он, сделав глубокий вдох и набравшись храбрости. При одной мысли о матери на глаза навернулись жгучие слезы. Нет, слез Арам не стеснялся. Как-то раз один из матросов с «Волнохода» сказал ему: кто не прослезится, вспомнив о матери, тот вовсе и не мужчина.

Вычеркнув «матушку», он написал: «Дорогая мама!».

С чего же начать? Араму отчаянно хотелось рассказать ей все, всю правду, большую и малую, обо всем, что накопилось в сердце. Хотелось поведать и о страшном, и о смешном, и о минутах безнадежной растерянности, но Арам тут же сообразил, как напугают ее подобные вести. С чего же, с чего же начать?

Дорогая мама!

Пишу тебе с Когтистых гор, из маленького аванпоста под названием Дозорный холм Тал'дары. Ты не поверишь, какая же здесь красота, и как все не похоже на Приозерье! Деревья большие, как горы, но только после того, как пересечешь долину, где не угасает пожар. А по пути сюда со мной случилось так много всякого, что даже не знаю, с чего начать...

И все же Арам начал – начал выплескивать на страницы блокнота все, что наверняка не испугает мать слишком уж сильно и не заставит плакать. Многое рассказал он о Клоке, о Мурчале, и о том, как Макаса вначале была ему врагом, а после сделалась лучшей подругой и даже сестрой. Затем описал «Волноход» и Талисса. Рассказал, как они взяли на себя заботу о желуде, и как он, конечно же, даже после ясного предостережения Талисса, все-таки не уберег этот желудь от воды. Это, в свою очередь, привело его к Дрелле, и тут уж, рассказывая о дриаде, и о ее улыбке, и о ее смехе, и о том, как во время странствий под солнцем ее лицо покрыла россыпь веснушек цвета весенней травы, Арам развернулся вовсю. Он понимал: рассказ его выглядит глупо, но, может быть – может быть! – заставит встревоженную мать улыбнуться.

О гибели Грейдона и о множестве столкновений с опасностями Арам решил умолчать. Ни словом не упомянул он ни о боях на арене, ни об осколках, ни о смерти Талисса, ни о том, как Макасу едва не унес дракон. В глубине души ему хотелось избежать рассказа о Грейдоне – не только затем, чтоб не расстраивать мать, но и чтоб не расстраиваться самому. Стоило вызвать из глубин памяти лицо отца, рука задрожала над страницей блокнота: ведь время лечит не всякие раны. Да, эта рана начала понемногу затягиваться, но даже от воспоминаний о Грейдоне струп мог легко дать трещину. Потому-то Арам обошел стороной и местопребывание, и смерть отца, а письмо завершил обещанием:

Не знаю, мама, когда вернусь, но вернусь обязательно. Приключения приключениями, но в Приозерье мой дом. Передай Робертсону с Селией, и Роббу тоже, что я по ним страшно соскучился, а Чумаза обними за меня и угости лишней косточкой, ладно? Люблю тебя, мама. Ты обо мне не волнуйся: со мной надежные друзья, и я уверен: они помогут вернуться к тебе всем, чем только сумеют.

Последнее было истинной правдой. Не зная, когда письмо удастся отправить, и удастся ли отправить вообще, Арам вложил листки обратно в блокнот и бросил взгляд на сестру. Макаса сладко похрапывала, но даже во сне не выпускала из рук любимого оружия – цепи. Задув свечу, Арам улегся на мягкую уютную перину и принялся вслушиваться в голоса блуждающих огонь-

ков, вьющихся среди высоких, как горы, деревьев. Их песни казались шелестом ветра в преддверии скорого ливня.

Глава шестая. Дурные знамения

Вначале Арам словно бы вновь брел через просторы Обугленной долины. Языки пламени упорно крались к самым ногам, а после взмывали в воздух, но вскоре тишина уступила место пронзительному треску ломающегося дерева, и еще более пронзительным воплям мужчин и женщин. Над головой его сквозь облако дыма тянулась вверх корабельная мачта, на полотне паруса плясали алые огоньки. Корабль. Он на корабле! Несмотря на всю зыбкость окружавшего его мира снов, сердце Арама забилося, как бешеное. «Волноход» и мерный плеск морских волн у его борта он до сих пор помнил – ярче некуда, но сейчас корабль заживо пожирал огонь.

Увидев в дыму силуэты людей, борющихся с пожаром, Арам без оглядки ринулся в общую суматоху.

– Воды сюда! Бадью, живее! Воды мне!

– Течь в трюме! Слишком много воды! Ко дну идем...

Крики неслись над палубой, пробиваясь сквозь треск и гул пламени. Прикрыв ладонью глаза, Арам выбежал из капитанской каюты на основную палубу, взгляделся в лица команды, пытаясь понять, что это – причуды памяти или же нечто большее. На фоне пожиравшего фальшборт огня мелькнули тени, канаты, тянущиеся к мачте, вспыхнули, лопнули, бичами щелкнули над головой, а тени вмиг обернулись фигурами воинов.

Над волнами эхом разнесся гром пушечного залпа, а после ушей Арама достиг прекрасно знакомый глумливый, надменный клич. Малус... Капитан Малус со своими головорезами шел в бой. Но тут Арам бросил взгляд на медленно падающий книзу парус, все еще тлевший во многих местах, и даже во сне почувствовал, как пересохло во рту. То были другие цвета, не цвета «Волнохода»! Знаком ли ему этот корабль? Приглядевшись, он сообразил, что матросы, суетящиеся на палубе, малы ростом, слишком малы...

Гоблины!

Выходит, это вовсе не «Волноход», а «Рак», корабль, якобы – по крайней мере, барон Гогельмогель в этом не сомневался – увезший из Прибамбасска Арама и его друзей. Обманутый этими ложными сведениями, Малус пустился ловить ветра в поле, погнался за шхуной, на которой Арам отродясь не бывал. Но если сон этот настоящий, действительно вещий, значит, шхуну Малус догнал, и «Рак»... о звезды, «Рак» обречен. Арам непроизвольно потянулся к рукояти из осколков кристалла, но тут же вспомнил: ведь клинок еще не завершен! Он безоружен. Беспомощен. Ошеломлен. Но сон выглядел, словно явь. Казалось, он вот-вот почувствует вкус пепла на языке...

Корабль вздрогнул, отброшенный вбок внезапным ударом. Матросы схватились было за ведра, но тут же обнажили мечи.

– К оружию! – взвился над палубой чей-то призыв. – Они идут на абордаж! Руби концы, сбрасывай их крючья! Нас запросто не возьмешь!

Утыканный все еще горящими огненными стрелами, «Рак» накренился, пошел ко дну, но тут на палубу, прямо сквозь дым и огонь, словно неуязвимый для жара огненный элементаль в облике человека, прыгнул Малус. Должно быть, его корабль – зловещий, грозный эльфийский эсминец – отыскал и поджег «Рака», чтоб выкурить из кают Арама с друзьями. Глаза Малуса мерцали безжалостным огоньком. Оправив отворот плаща, он небрежно взмахнул мечом и рассек горло ближайшего гоблина. Доски палубы под ногами Арама дрогнули: на защиту шхуны, подняв боевые молоты, с громким топотом бросились двое матросов-огров. Однако арбалетные болты, пущенные с борта эсминца, мигом покончили с ними, и Малус, широким шагом переступив через труп одного, двинулся прямо к Араму, как будто почуял жертву сквозь туман мира снов.

Арам отступил на шаг, но обнаружил, что окружен жаркими языками пламени.

– Малус! Трогг бьется за Сокрытых. С троллями бьется, и с эльфами, и с людьми. С ограми Трогг не бьется. После Забытого Города – никогда.

Заслышав этот голос, громкий, точно удар бортом о борт преследуемого корабля, Арам отшатнулся, отступил еще на пару шагов. Огромный, будто четыре человека разом, Трогг с жутким рогом во лбу и шипастой палицей, прикрепленной к обрубку руки, отшвырнул в сторону бросившегося к нему гоблина и уставился на поверженных огров.

– Спокойствие, – велел Малус кипящему от возмущения огру. – Нам нужен всего лишь компас да рукоять меча, а после отправим эту развалину на дно морское и уйдем своим курсом.

Под взглядом Арама Трогг поддел носком ноги тело убитой огрихи, перевернул его на спину и зарычал. Похоже, он был здорово недоволен.

Между тем на шхуну волной хлынула команда «Неотвратимого», палуба потемнела от сумятицы боя. Сквозь серую пелену и ослепительные сполохи пламени Арам не мог разглядеть почти ничего. Малус придвинулся ближе, направился было к каютам, но внезапная вспышка огня заставила его шарахнуться прочь. Кое-как удержав равновесие, он заслонил ладонью глаза от града горящих щепок. Одна застряла в его волосах, и Малус, выругавшись, погасил ее.

– Где же они? – проворчал он, обшаривая взглядом шхуну. – Ну, если я гнался за этим злосчастливым кораблем через полморья зря...

Тем временем на палубу из нижних кубриков и капитанской каюты вернулась его команда. Видение начало трескаться, распадаться, будто огонь, охватив и сознание Арама, выжег, испепелил всю эту картину. Напоследок ушей его достиг раздраженный вопль Малуса. «Рак» шел ко дну, а команда шхуны погибла – кто в пламени, кто под безжалостным натиском нападавших.

– Их нет! Их здесь нет!

Казалось, Малус повредился умом, а то и вовсе лишился разума, но вскоре он исчез из виду, и красные с серым образы бойни исчезли тоже. Вокруг воцарилась непроглядная тьма... тут же разогнанная невыносимо яркой вспышкой. Свет ударил в глаза так неожиданно, что Арам испугался, не ослепнет ли навсегда.

И в этот миг он услышал голос – знакомый, тот самый голос, что шептал ему в сновидениях. Этот голос согревал душу, исполнял сердце решимости, но и вселял в него ужас, которому нет названия. Он нес в себе силу, которой Арам не понимал, а потому просто не мог ее не страшиться.

Это был Свет. Свет снова зывал к нему.

– У Судьбы на тебя другие планы, – мягко, но звучно сказал Голос Света. – Тебе нет надобности бояться.

Макаса Флинтвилл была не из тех, кто спит допоздна, и этим утром – пусть даже раненная, изнуренная, растерянная – поблажки себе не дала. Позавтракав сухим пайком из заплечного мешка и поприветствовав восходящее солнце, она устроилась у костра посреди укрепленного аванпоста, на самой вершине холма, и принялась приводить в порядок снаряжение. Смазывая маслом кожаную безрукавку, затачивая клинки, она не замечала ни того, ни другого. Ну почти. Мысли Макасы витали далеко-далеко, целиком посвященные сновидению, пронзившему непроглядную тьму ее дремы ярко сверкнувшим клинком.

Голос... Прекрасный и в то же время ужасающий голос. За все семнадцать прожитых лет она ни разу не слышала ничего подобного. С одной стороны, он был так же знаком и уютен, как покачивание подвесной койки в кубрике «Макембы», когда Макаса, еще совсем маленькой, ходила в море с пиратами Черноводья. Когда ее окружали родные. Когда она думать не думала, будто жизнь может быть хоть немного сложнее надежной палубы под ногами да соленого ветра в волосах. С другой стороны, этот голос... этот голос в то же время был холоден,

беспощаден, точно зимний ливень, точно внезапная рана, точно вспышка молнии над штормовыми волнами.

И, самое главное, Макаса не доверяла ему, а потому ей ничуть не понравилось, что он обращается к ней. Пусть бы со всей этой жутью, со всем этим колдовским мумбо-юмбо разбирались Арам и Дрелла! Саму Макасу волшебство не влекло к себе никогда. В бою ей вполне хватало зоркого глаза и твердой руки, но сейчас... Казалось, порча магии отчего-то дотянулась и до нее. Голос этот был неестественным и говорил вроде бы чистую правду, но при том еще не воплотившуюся в жизнь.

– Обратись к Свету, Макаса. Алмазный Клинок. Арам уже на пути, но ведь и ты идешь вместе с ним. Осколки нужно воссоединить. Семь должны стать Одним. Взгляни, Макаса, взгляни на Свет!

Макаса сопротивлялась, как будто могла хотя бы надеяться устоять перед этим голосом. По-видимому, тот же голос, Голос Света, являлся в видениях и Араму. Следовало полагать, того, что называется Голосом Света, опасаться не стоило, но мысли о нем всякий раз вселяли дрожь в сердце. Однако Макаса понимала, кто с нею говорит, а еще прекрасно знала, что означают Алмазный Клинок и его осколки. Уступив, повернувшись к Свету, она увидела перед собой череду сменяющих друг друга образов, череду мест, которых не сумела узнать и даже почти не запомнила. Вот и сейчас, у костра, за заточкой оружия, сколько ни пробовала она припомнить хотя бы одно, любая попытка заканчивалась приступом мучительной головной боли.

– Э-э, проку от твоей помощи, – проворчала Макаса. – Мог бы попросту карту прислать. Хоть воображаемую...

– Привет!

Вздвигнув от неожиданности, девушка выронила небольшой засапожный кинжал, но тут же ловко поймала клинок двумя пальцами, перехватила за рукоять и мрачно взглянула на Дреллу. Юная дриада скакала к костру, как всегда, излучая восторг всем существом, всеми порами тела. Помахав руками из стороны в сторону, она сунула в рот мизинец.

– Доброго утра, – помолчав, буркнула Макаса.

– Похоже, ты злишься, – заметила Дрелла, рысцой подскочив поближе и окинув взглядом ее арсенал.

Явное восхищение Дреллы цепью и гарпуном заставило Макасу малость смягчиться. Возможно, настало время довериться ей, пусть хоть немного – ведь способность принести пользу, прибавить отряду сил Дрелла доказала на деле. Макаса выросла в море, среди корабельной команды, и доверие, товарищество, значило для нее очень много.

– Да, злюсь. Сон мне приснился... дурной. Хотя нет, не дурной. Станный.

– Расскажешь? Талисс всегда говорил: чувствам лучше дать волю, чем держать их скрученными внутри. Хочешь, я с тобой об этом сне поговорю? – предложила дриада, быстро обогнув костер кругом и устроившись рядом. – Говорить я умею – на славу!

«Да, это мы заметили».

– Не сейчас, Дрелла... но за предложение спасибо.

От дипломатии никогда не бывает вреда, и, хотя Дрелла к самым дорогим для Макасы персонам на весь Азерот, определенно, не принадлежала, девушка знала: возможно, вскоре им предстоит расставание. Вскоре связавшие Арама с Дреллой узы будут разомкнуты, и Дрелла останется с друидами, а отряд двинется дальше, на поиски недостающих осколков Алмазного Клинка... Ну а до тех пор лишний раз улыбнуться дриаде Макаса уж как-нибудь да сумеет.

Сумятица у входа в таверну заставила ее отвлечься от Дреллы. Обернувшись, Макаса увидела тауренку, Галену, едва ли не со всех ног рванувшуюся к ним – косы развеваются за спиной, улыбка затмевает все прочие черты лица. Позади, в облаке пыли, поднятой в воздух ее порывом, с крыльца по ступеням спускался полусонный Арам, в одной руке сжимавший сладкую булочку, а другой протиравший глаза.

– Доброго утра, Галена! – воскликнула Дрелла. – Какая же ты сегодня красавица! Макаса, разве она не красавица?

– Еще какая.

– И ты тоже выглядишь просто прекрасно, – добавила Дрелла, склонившись и потрепав Макасу по плечу.

Любому другому подобная выходка стоила бы отсеченной руки, но в эту минуту Макаса лишь съежилась, поднялась и поманила к себе Арама.

– И клинки твои просто прекрасны! – добавила Дрелла ей вслед. – Всегда так блестят, что глаз не оторвешь!

– Доброго утра, Макаса, – сказала тауренка, помахав ей рукой. – И тебе, Дрелла, доброго утра. Ты готова за дело взяться? Для первого ритуала мастеру Тал’даре требуется, самое меньшее, полная корзина дикого сталецвега.

– О, чудесно, чудесно! Утро среди великолепия природы – что же может быть лучше?

Галена с Дреллой залились смехом, а Макаса, вложив клинки в ножны, не слишком-то нежно ухватила тауренку за плечо. Возможно, Галена была куда выше ростом, однако втянула голову в плечи, устремив взгляд на Макасу, а нижняя губа ее плаксиво задрожала.

– Приглядывай за ней в оба, – предупредила девушка. – По лесу бродить собираетесь? Вдвоем? Если с Дреллой до завершения ритуалов хоть что-нибудь случится, я с тебя шкуру спущу.

– К-конечно, Макаса, – запинаясь, пролепетала Галена. – Я ведь состою в Круге Кенария, и защищать ее уже поклялась. Дриады для нас священны. При м-мне с ней ничего не случится. К тому же, и стражи будут неподалеку.

– Хорошо, – сказала Макаса. – Стражи – это хорошо. Но гляди, далеко от них не отходите.

Словно бы чем-то встревоженный, Арам подошел к костру как раз в тот момент, как Галена с Дреллой отправились по делам. Девчонки его будто и не заметили, но он их уж точно заметил и устремил взгляд вслед Дрелле.

– Знаю, вы с ней друзья, – сказала Макаса. – Но вашей связи скоро конец. Может, тебе лучше держаться от нее в стороне? Так оно легче выйдет.

– И тебе доброго утра, – откликнулся Арам, ероша волосы в попытках придать им хоть сколь-нибудь пристойный вид.

– Тебе может прийтись нелегко, вот и все, что я имела в виду, – пояснила Макаса.

– Спасибо... то есть, наверное, ты права.

Макаса блекло улыбнулась.

– Выглядишь усталой. Плохо спалось? – спросил Арам. – Хотя уж точно не хуже, чем мне. В последнее время сны сделались такими яркими... чересчур яркими, можно сказать.

– Мои тоже, – кивнула Макаса. – Сны... Странные сны, пугающие... вернее, этот голос... он разом и обнадеживал, и пугал. Так мощно звучал в голове, что зубы чуть не заньли, – пояснила она.

В обычное время она ни за что не стала бы болтать о подобных вещах, однако вокруг Арама всякие странности творились постоянно, а просыпался он зачастую в таком ужасе, будто его сны реальны не менее, чем сладкая булочка, только что выхваченная Макасой из его рук.

Сощурившись, Арам подошел к бревну у костра. Кружившая над аванпостом сова Айель ухнула, ринулась вниз и подхватила с земли у таверны полевую мышь.

– И что тебе сказал этот голос? – спросил Арам.

Макаса придвинулась ближе.

– Об Алмазном Клинке говорил. Места какие-то пытался показывать – наверное, там и нужно искать остальные осколки, только произошло все так быстро... По-моему, очень похоже на сны, которые снятся тебе.

– Похоже, – пробормотал Арам. Выглядел он... нет, не испуганным – скорее, слегка обиженным. – Похоже, это тот самый Голос Света, что говорит и со мной. Думаю, это не... – тут он ненадолго умолк, покачал головой и взглянул Макасе в глаза. – Думаю, это просто здорово. Значит, мы на верном пути. Нужно только следовать указаниям компаса и отыскать оставшиеся осколки.

Макаса пожала плечами.

– Прежде всего, нам здесь дела нужно закончить. Как считаешь, нельзя ли уйти поскорее, а Дреллу оставить у них, и пусть себе размыкают ваши узы, сколько потребуется?

Арам, вновь с легкой обидой надувшись, покачал головой.

– Нет. Утром, по пути вниз, Галена сказала, что для ритуала нужны мы оба.

– Чудесно, – вздохнула Макаса. – Ладно, чем мы можем заняться, пока они готовятся к ритуалу?

Арам помолчал, глядя в огонь, вынул из висевшего на правом плече мешка блокнот и раскрыл его. Обычно Макаса в его блокнот носа не совала, но тут заметила вложенное между страниц письмо. Письмо...

– Собрался отсюда письмо отправлять? Но ведь ты знаешь, как это опасно! Арам, его же могут перехватить.

– Это маме, – со вздохом пояснил он. – Она наверняка за меня жутко волнуется. Не могу я, Макаса, вот так, в потемках, ее оставлять: по-моему, это просто нечестно. К тому же аванпост этот – на самом краю войны, должен же у них быть надежный способ отправки писем. И если такой способ есть... – Арам осекся, умолк, а, поразмыслив, встряхнулся, открыл глаза широко-широко. – Значит, я могу написать кому-нибудь о дяде! Если дядя вправду жив, быть может, он сумеет нам чем-то помочь!

Покачав головой, Макаса нервно погладила рукоять абордажной сабли.

– По-моему это рискованно.

– Наверное, ты снова права. К тому же, где мне его искать? Я ведь даже не знаю, как к этому подступиться, – весьма впечатляюще для полусонного двенадцатилетки закончил ее мысль Арам. – Вдобавок, сколько придется дожидаться ответа? Если мы хотим выйти отсюда поскорей, так далеко загадывать, наверное, не стоит.

– Да, не стоит оно такого риска, – тут же подтвердила Макаса, слегка обескураженная отсутствием выбора. – А ты не посоветуешь, как бы избавиться от этого странного голоса в голове?

На это Арам фыркнул, отрицательно покачал головой, раскрыл блокнот на чистой странице и взялся за карандаш.

– Прости, сестренка, быть избранным не всегда так уж весело.

Глава седьмая. Нежданные видения

События просто мчались вскачь. Мало ему было тревог насчет приближающейся церемонии расторжения уз, так теперь еще и навязчивые кошмары о гибели «Рака», и вести, получаемые Макасой во сне...

И, вдобавок, идея, засевшая в Арамовой голове, точно терновый шип.

«Терновая колючка в Торновой черепушке», – подумал он, раскрывая блокнот на чистой странице. Отчего Свет заговорил с Макасой? Может, совсем разуверился в нем? Может, поэтому и посылает жуткие видения о «Раке» – на оплошность его намекает? Может, вовсе связь с ним разорвет, примерно так же, как его в скором времени отсекут от Дреллы?

Все эти и многие другие мысли вертелись в голове, не давали покоя, и Арам занес над листом карандаш. Ему позарез нужно было прийти в себя.

Вслушиваясь в уютное потрескивание костра, он на время отвлекся от хоровода мрачных мыслей и задумался: что бы такое нарисовать? Поначалу он собирался запечатлеть на пергаменте Дозорный холм снаружи, со стороны, но вид аванпоста не слишком-то вдохновлял. Благодаря Мавзолю, при нем имелся экземпляр «Пернатых обитателей Азерота», и Арам решил было попробовать воссоздать одну из множества птиц с иллюстраций, но эта идея его тоже не увлекла.

Наконец ему вспомнился совет Мавзоля, призывавшего рисовать не то, что перед глазами, а то, что видишь в воображении. Конечно, рисование с натуры требовало мастерства, но Араму хотелось научиться чему-то большему, и зарисовка картин, возникающих в голове, показалась ему замечательным упражнением. Карандаш будто бы сам собой взялся за дело, запорхал над пергаментом, вновь вызывая к жизни разинутую пасть черного дракона, а затем, ниже, Макасу, тянущую кверху руку в попытке хлестнуть дракона цепью.

Их бой заслоняла поднятая бурей пыль, но сейчас Арам отчетливо мог разглядеть и разинутый в крике рот Макасы, и ее целеустремленность, и сощуренные от боли глаза, и когти, терзающие ее плечи... Ободренный успехом, он наклонил карандаш, слегка затушеввал всю сцену, изображая бурю, и, наконец, завершил рисунок изображением нескольких приближающихся, летящих в дракона стрел. Да, вышло не так точно, как некоторые из портретов, но общая напряженность, стремительность движений Араму, определенно, понравились. Мавзоль оказался прав: на сей раз рисование принесло совсем другие ощущения. Работал Арам, точно замороженный, дыхание его участилось, рука двигалась, будто по волшебству. Новая страница! Он должен был попробовать еще.

Прикрыв глаза, Арам немедля нарисовал глубокую пещеру и выходящего из нее мальчика чуть старше себя самого. Над мальчиком, чуть позади, возвышался юный синий дракон. Левую щеку обоих – и мальчика, и синего дракона – пересекал шрам. Пещера отчего-то казалась темной, холодной, сырой, и потому Арам дополнил рисунок цепочкой маленьких отпечатков ног на полу. В воображении глаза мальчишки выглядели необычайно живыми, и, приглядевшись к рисунку, Арам задрожал: взгляд, устремленный со страницы блокнота, словно бы пронизывал его насквозь. Вся сцена выглядела необычайно реальной.

«Реальнее многих портретов настоящих, живых людей», – вновь содрогнувшись, подумал Арам и снова перевернул страницу, однако почувствовал, что совсем выбился из сил. Рисование воображаемых картин оказалось куда труднее привычных зарисовок с натуры.

Услышав громкий, переливчатый смех тауренки с дриадой, увлеченно собиравших в лесу цветы, он оторвал взгляд от блокнота. Да, думать о Дрелле, будто о собственной вещи, было эгоистично и просто глупо, но его мысли вновь устремились к их особой связи – к связи, которая вскоре оборвется, развеется под действием магии Тал'дары. Уж не поэтому ли в сердце зашевелилась ревность к Галене? Ну конечно, с друидкой из Круга Кенария у дриады куда как

больше общего! Галена даже знакома с другими дриадами, а потому Дрелле, ясное дело, с ней интереснее, и все же... Чувства частенько не подчиняются законам здравого смысла, а только лишние трудности создают. Но он, Арам, в Дреллу вовсе не втрескался, нет! Они с нею просто близкие друзья, столько вместе пережили – естественно, Дрелла ему не чужая...

Но, не успел он погрузиться в мрачные размышления, как из таверны донеслись голоса Клока с Мурчалем, заспоривших о том, чем бы перекусить. Похоже, гнолл понимал мальшамурлока все лучше и лучше, и, представив себе, какую проказу может учинить эта парочка, оставленная без присмотра, Арам невольно заулыбался.

Тут его колено соскользнуло с бревна, и письмо, написанное матери, выпорхнув из блокнота, медленно опустилось на землю. Арам поспешно нагнулся за ним, не сводя глаз со сложенного пергамента. Стремления отослать письмо он в себе все еще не находил, но тут у него родилась еще одна мысль, явившаяся следом за той самой терновой колючкой, засевшей в голове после разговора с Макасой.

Письма... Что, если написать в самые разные уголки Калимдора и расспросить о дядюшке? Да, насчет риска Макаса была права, однако Арам не терял уверенности, что и он тоже прав, что насчет отправки писем на Часовых положиться можно. Затея казалась безнадежной, однако сидеть сложа руки недостойно взрослого человека. Тут следовало хоть что-нибудь, да предпринять. Так он и сделал – написал сжатое, деловое письмо, в коем, представившись, объяснил, что у него, сына Грейдона Торна, имеется срочное дело к Сильверлейну Торну, а посему он, Арамар, будет рад любым сведениям касательно местопребывания брата отца. Поразмыслил, не приписать ли о предложении награды, но сразу же сообразил: если он вправду узнает что-либо о дядюшке, этакие посулы выйдут ему боком.

Вместо этого он выразился честно и откровенно.

Прошу вас, – написал он, – пожалуйста, помогите мне разыскать дядю. Для меня это очень и очень важно.

Не зная, сколько экземпляров может потребоваться, Арам переписал письмо несколько раз, вложил листки в блокнот, поднялся на ноги и потянулся. Тут из таверны вышли наружу Мурчаль и Клок, успевшие раздобыть где-то пару сырых рыбин, да такой свежести, будто вот-вот из рук вырвутся. Вразвалку подойдя к Араму, оба уселись и бесцеремонно вгрызлись каждый в своего шалфокуня.

– Тьфу, мерзость, – сказал Арам, покачав головой и отвернувшись от их пиршества. – Предупреждать же надо.

– Клок тебе долю оставит, – блеснув глазами, предложил гнолл.

Прежде, чем Арам успел на это ответить, Клок с Мурчалем залились смехом – мурлок забулькал с набитым ртом, а гнолл пронзительно, тоненько, точно гиена, захохотал.

– Очень смешно. Лучше скажите: вы мастера Тал'дару не видали? Хочу его о ритуале расспросить.

Это было обманом, но, как рассудил Арам, безобидным. В замысел с рассылкой писем он никого посвящать не хотел, чтобы друзья не подумали, будто он собрался уйти до того, как друиды разорвут их с Дреллой связь. Кроме того, Сильверлейн был его дядюшкой. Да, отыскавшийся, он вполне мог помочь им в розысках остальных осколков Алмазного Клинка, но шансы на это казались ничтожными. Араму хотелось найти его просто затем, чтоб разузнать побольше о Грейдоне, и о том, какое же место в мире занимает он сам, один из Торнов. Жизнь так быстро разлучила его с отцом, что он и глазом моргнуть не успел, и эта рана все никак не затягивалась, но все же Арам понимал: действовать нужно с оглядкой.

«Наверное, это я от Макасы подозрительностью заразился», – подумал мальчик, глядя, как Клок заглатывает огромный кусок рыбы с чешуей и всем остальным.

– Сегодня Клок его не видал, – ответил гнолл, приподняв морду и потянув носом воздух. – Но он недалеко. В лесу. На севере.

– Мурчаль нк блолгер легл, – добавил мурлок, пожав узенькими плечами.

По-видимому, это значило «нет».

– Спасибо, – махнув рукой, поблагодарил обоих Арам. – Пойду, спрошу у Часовых. А вы... э-э... приятного вам аппетита.

Разыскать Часовых оказалось нетрудно: те, кто не проверял окрестные тропы в поисках сбившихся с дороги ордынских разведчиков, неспешно патрулировали границы Дозорного холма. Обойдя костер, Арам направился на восток, к небольшой арке и недостроенному глефомету, возле которого Ийнет чистил своего саблезуба – вооружившись жесткой щеткой, вычесывал из меха сучки да колючки. Учувя приближающегося Арама, огромный кот сморщил нос, но, тут же расслабившись, ткнулся мохнатой мордой Ийнету в грудь.

– Пеплолап, прекрати, – пристыдил зверя одноглазый Часовой.

Однако саблезуб замурлыкал, будто всего-навсего большой домашний кот, вновь ткнулся носом в грудь хозяина и принялся скрести лапами землю.

– «Печенье стряпает», как говорят у нас, в Приозерье, – заметил Арам.

– А я в таких случаях говорю: безобразие, – со смехом откликнулся Ийнет. – Давненько его не вычесывали. Порой я забываю, что даже зверей, выращенных для войны, связывают с хозяевами особые узы. Пожалуй, примерно те же, что связывают тебя с той дриадой. Ритуалы уже начались?

– Нет еще. По-моему, Галена с мастером Тал'дарой все еще заняты приготовлениями, а я попросту убиваю время. Кстати сказать, я написал несколько писем, а ты, наверное, хорошо знаешь здешние земли. Я пытаюсь отыскать кое-кого – одного человека, а видели его в последний раз на севере Калимдора. Так вот, куда бы мне лучше с расспросами обратиться?

Ийнет сделал паузу, поднял взгляд на Арама, и в его уцелевшем глазу блеснул огонек интереса.

– Собрался куда-то?

– Н-нет! Нет! – поспешно заверил эльфа Арам и нервно заскреб в затылке, соображая, как бы ему все объяснить. – Это мой дядя. Мне просто хочется разыскать его и убедиться, что с ним все в порядке. А то почему знать – может, его и в живых уже нет.

– О-о... соболезную.

Ийнет поднялся, бросил щетку на землю, запустил руку в сумку на поясе, вынул из нее небольшую сложенную вчетверо карту и, поманив Арама к себе, развернул ее. Палец ночного эльфа быстро заскользил от надписи к надписи над контурами Когтистых гор и земель, что лежали за ними.

– Дай-ка подумать... В Астранаар, в форт Триумфа, на заставу Чести, в Терамор и даже в лагерь экспедиции Северной Стражи недавно прибыли многочисленные пополнения. Если твой дядюшка служит в войсках Альянса, он вполне может оказаться где-нибудь там.

Арам кивнул, старательно запоминая места и названия. Его разум, разум художника, невольно стремился откладывать в памяти образы, пусть даже самые непримечательные. Но, проследив за пальцем Часового, он здорово приуныл: некоторые из указанных мест оказались очень уж далеко. Долго же они будут туда добираться... если только каким-нибудь чудом, по волшебству, не сумеют снова вызвать на помощь летучий корабль Газлоу.

– Да, похоже, там попробовать стоит, – согласился Арам. – А если я отдам письма тебе, не мог бы ты приглядеть, чтоб их доставили в эти места? И много ли это займет времени?

– Эстафетой, вестницами да совами – не так уж ужасно долго, – ответил Ийнет, почесав подбородок. – Мы постоянно держим связь с ближайшими аванпостами, чтоб вовремя предупредить друг друга о движении патрулей Орды.

– Для меня это очень важно, – пояснил Арам. – Вот, письма уже переписаны. И... ты не против никому об этом не говорить? Искать дядю таким образом, наверное, пустая трата сил, и я как-то... одним словом, глуповато себя чувствую.

Ийнет выпрямился, расправил плечи, улыбка его слегка угасла.

– Розыск родных и близких не бывает пустой тратой сил. Даю тебе слово, Арамар Торн: все будет проделано втайне.

Глава восьмая. Расторжение уз

Прикрыв глаза, Тариндрелла очистила разум от мыслей. Конечно, далось ей это нелегко, ох, как *нелегко*... Когда церемонии только начались, вообще не удавалось: ведь в мире столько вещей, о которых можно подумать! Вот, например, отчего бабочки бывают только *некоторых* цветов, а не всех сразу? А красные бабочки зловреднее синих? Если да, пожалуй, это несправедливо: ведь красный цвет – он вовсе не зловредный, ничем не хуже других. Замечательный цвет, очень даже милый. К примеру, яблоки сделались одним из ее любимых лакомств. А огонь всех вокруг согревает! На свете так много хороших, полезных вещей красного цвета, что считать его «злым» на самом деле неверно, а потому...

– Тариндрелла! Сосредоточься!

Дриада сморщила личико и кивнула. Открывать глаза, чтоб увидеть мастера Тал'дару, ей было совсем ни к чему: его Досадливое Лицо она помнила до мелочей. Лиц у него было много. Улыбчивое Лицо – это за ужином, потому что он был очень рад видеть на Дозорном холме столько новых созданий. Очевидно, он считал восхитительным каждого, но особенно Мурчала, так как никогда раньше не пробовал общаться с мурлоком – тем более, таким храбрым, единственным в своем роде, как Мурчал Неужалимый. Разумеется, знакомо ей было и его Сонное Лицо, сделавшееся таким после многих часов церемонии, когда все они насквозь пропитались запахом жженого сталецвета. Но больше всего Тариндрелле нравилось Лицо Доброе и Терпеливое, потому что...

– ТАРИНДРЕЛЛА. Ради синих волос в моей бороде молю тебя, *не отвлекайся*.

Ну, вот, опять Досадливое Лицо. Вдохнув поглубже, дриада как следует постаралась выкинуть из головы все мысли о бабочках, лицах и бородах. Не прошло и минуты, как тьма воротилась назад во всей своей силе. Тариндрелла вздрогнула от страха. В легкие хлынул дым тлеющих цветов и благовоний, а следом за ним явились видения. Тариндрелла стояла на краю обрыва, окруженная густыми холодными тенями. Ужасная тьма подползала все ближе и ближе, тянула к ней щупальца – длинные и тонкие, словно паучьи лапы. Но благословения Кенария берегли ее от беды, и потому Тариндрелла думала только о них одних. Мастер Тал'дара обещал: если она всего-навсего сосредоточится на добрых мыслях об указующем пути начале, вроде Кенария, оно явится к ней в видении. Только прекрасное тепло его благословений способно разогнать студеною тьму и расчистить дорогу к Араму. Со временем в видении появится и он, стоящий впереди, под открытым небом, а тогда она сможет рысцей подбежать к нему, выдернуть из волос Арама один-единственный цветок, пустить его по ветру, и ритуал будет завершен.

Их связь будет расторгнута.

Сверху неспешно спускалось к земле крохотное пятнышко света. Неба здесь не было, однако свет откуда-то да появился – возможно, из ее сердца, а может, это ее желания сделались явью. Огонек заплясал в воздухе, и Тариндрелла с улыбкой шагнула вперед, потянулась к нему. Но огонек отпрянул, маня ее к жуткой, колышущейся волнами пелене тьмы. Храбрость. Тут нужна была храбрость, и Тариндрелла попыталась получше изобразить Макасу Флинтвилл. Храбрая, сильная Макаса ни за что не испугалась бы каких-то дурацких старых теней! Набрав в грудь побольше воздуха, Дрелла рысцей поскакала за огоньком. Главное – не сводить взгляда с этого проблеска радости и надежды, и тогда тьма ей нипочем.

Поначалу так все и получилось. Стоило им со светом приблизиться к кромке тьмы, щупальца мрака начали распадаться на части. Шаг за шагом, они углубились во тьму, и тьма оказалась ужасно холодной. Задрожав, Дрелла обхватила руками плечи, но двинулась дальше, отказываясь отступать. Церемония с видениями еще ни разу не шла так гладко, и это вселяло надежду, придавало сил. Уже неделю они безуспешно пытались провести Дреллу сквозь эту тьму, и вот теперь все наконец-то пошло как надо. Велев себе не смотреть на тени, она довери-

лась пятнышку света и следовала за ним. Но вот щупальца зла потянулись вперед, посягая на свет, потянулись и к ней, жестоко, безжалостно дергая за лодыжки. Вскрикнув, Дрелла вновь протянула руки вперед – к надежде, к свету...

Но свет исчез. Угас. Оставшись совсем одна в ледяных объятиях мрака, дрожащая, вся в слезах, дриада пронзительно закричала, и победившая тьма поглотила ее целиком.

– Проклятье...

Открыв глаза, Дрелла вновь оказалась на вершине Дозорного холма Тал'дары и вновь обнаружила перед собою то самое Досадливое Лицо мастера-друида. Галена выглядела ничуть не лучше. Окутанные последними чахлыми струйками дыма тлеющего сталеццвета, тауренка и ночной эльф обменялись долгим-предолгим взглядом.

– Должно быть, я сделала что-то не так, – пролепетала Дрелла. – Можно еще раз попробовать!

Мастер Тал'дара утер дрожащей ладонью лицо и ущипнул себя за переносицу.

– Спокойствие, дорогая моя. Для новой попытки мы все слишком устали. И ведь все должно получиться... так почему же не получается?

Галена закусила губу, нервно вертя в пальцах кончики кос.

– Мастер, я выполнила каждый шаг в точности как ты велел. Может быть, мы в основном ошиблись? Может быть, это не тот ритуал?

– Нам что-то препятствует, – сказал ночной эльф, задумчиво оглаживая бороду. – Нечто такое, чего я не вижу. Расскажи об этих тенях еще разок, дорогая.

Тариндрелла вздрогнула, но просьбу друида исполнила:

– Они – как лед по всему телу! Выглядят, будто корни, только сделанные из мрака. И сквозь эту тьму ничему не пробиться. На этот раз я видела крохотный лучик света. Он упал прямо передо мной, и я пошла за светлым пятнышком, как ты учил. Свет ненадолго прорезал тьму, но... но этого не хватило!

Все трое на время умолкли. Казалось, звуки роши доносятся откуда-то издалека. Среди деревьев порхали, приплясывали блуждающие огоньки. Вокруг костра со смехом гонялись друг за дружкой Клок с Мурчалем, лунный колодец сиял, источая волшебную силу, а по его глади плавно скользили сверчки, но ничто из этого не радовало душу.

– Я подвела вас, – сказала Дрелла, понуриив голову.

– Вздор! – загремел мастер Тал'дара. – Если уж на кого тут вину и валить, то на нас, а не на тебя.

– Но мы же все сделали верно! Исполнили каждый шаг в точности по кенарийским текстам...

Взгляд, брошенный мастером, заставил Галену умолкнуть на полуслове. Да, церемония еще ни разу не внушала такого уныния... Поначалу все это было просто восхитительно, вроде встречи с новым другом или нового забавного слова из человеческого языка, но теперь ритуалы стали для Дреллы скучной рутинной. Что такое рутинные дела, ей объяснил Арам: все вокруг их терпеть не могли, но отчего-то делали. Нет, к ритуалам Дрелла нелюбви не испытывала, но начала считать все это напрасным трудом. Подперев подбородок ладонью, она предалась горьким мыслям. Обычно такие мысли было легче легкого прогонять прочь – особенно теперь, когда она вошла в пору лета, но... не настало ли время признать, что дело застопорилось, и, возможно, из их затей ничего не выйдет?

– А вот я думаю: может быть, Араму тоже во всем этом нужно участвовать? – пробормотала она.

Мастер Тал'дара с обычной неспешной грацией поднялся и отряхнул одеяние.

– Я же объяснял: ему нет надобности быть прямо здесь. Достаточно того, что он неподалеку. Он обделен способностями, необходимыми для завершения ритуала, а вот ты, дорогая моя – особая, единственная в своем роде.

– Вот оно!

Мысли в голове Дреллы закружились с такой быстротой, будто вот-вот вознесут ее в небо. Вскочив, она описала круг, сжала кулачки, заплясала на месте.

– Ты прав, мастер! Да, я особая!

– Однако скромность, Тариндрелла, тоже черта характера весьма важная, и тебе следует позаботиться о...

– Нет же, глупый, я о другом! Я не такая, как остальные. Ты сам так сказал после первой же церемонии. У меня есть силы, которых ты прежде не видел ни у одной из дриад! Разве это не здорово? Да, здорово, но и очень важно. Почему? А вот почему: если я особенная, не такая, как остальные, может быть, и ритуалы эти не для меня?.. О, чудесно! Вот и ты!

На поляну к ним вышел Арамар Торн – волосы аккуратно расчесаны и стянуты в хвост, не по росту просторный плащ обвис под тяжестью вещей, распиханных по карманам. Услышав ее приветствие, он вытаращил глаза, расплылся в милой сонной улыбке. Эта улыбка Дрелле очень нравилась, так как неизменно напоминала ей мордочку уставшего котенка. Как мило!

Подойдя ближе, мальчик остановился рядом с Галеной, перед небольшим алтарем, на котором еще дымились благовонные курения и цветки сталецвета.

– Как продвигается? – спросил он. – Получилось у вас... что-нибудь? А то я никакой разницы не чувствую.

– Нет! Ничего у нас не выходит, – сообщила ему Дрелла. – Правду сказать, всё – хуже некуда! Но это не страшно. Теперь я поняла, почему.

– И почему же? – спросил мастер Тал'дара.

Вопрос его прозвучал как-то странно: казалось, он ей не верит, однако вот-вот рассмеется.

Рысцой подбежав к Араму, Дрелла взяла его под руку и лучезарно заулыбалась всем троим.

– Потому, что наша связь невероятно, целиком и полностью неповторима! Я особенная, и связь наша тоже особенная. Арамар заботился обо мне еще в те времена, когда я была желудем. Не ночной эльф, не друид, а простой человеческий мальчик! Можешь ты в это поверить? О таком необычном, таком важном, таком восхитительном событии никак нельзя забывать!

Мастер Тал'дара снова огладил бороду и кивнул:

– И что же дальше?

– Так вот! Я думаю, если наша связь настолько особенна, то и законам подчиняется совсем другим. Эти ритуалы – для всех остальных. Арамар подарил мне жизнь, а затем одарил добротой, ради меня рисковал и собой, и друзьями. Дары эти непросты, и отвечать на них надлежит дарами не из обычных.

Галена, вскочив на ноги, закивала куда быстрее мастера Тал'дары – так, что косы по сторонам разлетелись:

– А что, может, это и верно! Похоже, узы, о которых нам известно, не настолько глубоки. Обычные сотворены магией, а их... вдруг их связала друг с другом сама судьба?

– О-о! Прекрасное слово! «Судьба»... просто в дрожь бросает! Судьба! – воскликнула Дрелла, в доказательство задрожав всем телом, от остроконечных ушей до кончика хвоста.

– Спору нет, об этом стоит подумать, – пробормотал мастер Тал'дара, пройдясь из стороны в сторону. – Возможно, нам довелось столкнуться со связью такого рода, каких никто из Круга Кенария никогда прежде не наблюдал и не пытался расторгнуть. И если это действительно узы, созданные самой судьбой, мы трое ничего с ними поделать не сможем. Как это ты выразилась, Дрелла? На непростые дары и отвечать надлежит дарами не из обычных? Возможно, за службу, сослуженную тебе юным Арамаром Торном, нужно отплатить такой же, дабы, так сказать, завершить круг?

Арамар все это время молчал – только чесал в затылке, переминаясь с ноги на ногу. Его смятение и тревога явственно чувствовались даже без той, особой связи, и Дрелла в надежде хоть чем-то помочь улыбнулась ему.

– Так, значит... наших уз пока что не расторгнуть? – медленно проговорил Арам.

Нет, он ничуть не расстроился, и Дреллу это очень обрадовало: она уж было, пусть всего на минутку, но заволновалась, как бы новость его не огорчила. В конце концов, ради расторжения соединивших их уз они проделали такой далекий путь – и все напрасно...

– Связаны вы очень уж тесно, куда теснее, чем я ожидал, – объяснил мастер Тал'дара. – Связавшая вас нить прочна, так прочна, что нашей магии ее, по всей видимости, не одолеть.

– Да, – согласилась Дрелла, лучезарно улыбувшись Арамару, щеки которого невероятно покраснели. «Вот видишь? – подумала Дрелла. – Красный – и вправду очень милый цвет!»

– Да, – продолжала она, – я чувствую, как она прочна. А ты, Арамар? Твои чувства ко мне так же прочны, как и мои к тебе?

Долгое время Арам, красный, как рак, моргая, глазел на нее с приоткрытым ртом, будто вот-вот вздохнет или чихнет. Наконец он опомнился, закивал – медленно, а после быстрее и быстрее, крепче прижал к себе Дреллин локоть, гулко сглотнул и ответил:

– Конечно, Дрелла, я... я чувствую то же самое. Ну, то есть, насчет нашей связи. Прочна она, да... и вправду прочна.

Глядя на них, мастер Тал'дара хмыкнул, пожал плечами и хлопнул в ладоши, отчего из его бороды выпало несколько листьев.

– Тогда нам здесь больше делать нечего, а я должен немедля написать обо всем в Лунную поляну. Но, Арамар, по-моему, лучше бы вам обоим задержаться здесь еще ненадолго. Ваш странный феномен необходимо всесторонне исследовать. Это же весьма знаменательное событие. Весьма, весьма знаменательное.

Глава девятая. Сильверлейн

«Весьма знаменательное событие...» Нет, потрясения, пережитого Арамом, эти слова описать полностью никак не могли. Поляну он покидал с кружащейся головой, кожа под воротом рубашки словно бы раскалилась докрасна.

«Да, я чувствую, как она прочна. А ты, Арамар? Твои чувства ко мне так же прочны, как и мои к тебе?»

Отчего эти слова вызывают такой... зуд? Зуд по всему телу! Казалось, Арам вот-вот запоет, либо его стошнит, либо и то и другое разом. Его чувства к Дрелле, когда-то – всего лишь назойливый голосок на задворках сознания, набрали силу, превратились в оглушительный хор голосов. Неужто она минуту назад призналась, что он ей нравится? Нет, чепуха. Дрелле нравятся все до единого. Все это – просто свойственное ей дружелюбие, можно не сомневаться... Вот только Арам никак не мог забыть ни ее локтя в сгибе его руки, ни обращенной к нему улыбки – такой ослепительной, будто от зубов ее отражается блеск всего счастья, всего довольства на свете.

– Что с тобой?

Макаса.

Арам замер, как вкопанный. Пути их пересеклись, когда сестра выходила из таверны, а он бегом мчался к дверям. Весь прочий шум Дозорного холма доносился словно бы откуда-то издали, как будто Арам остался наедине с собственными мыслями, а теперь еще и с Макасой. Ее темные брови поднялись к самым корням волос.

– Братишка, ты отчего такой взмокший? Может, жар у тебя?

Арам замотал головой, понемногу приходя в себя:

– Н-нет, со мной все в порядке. А ты куда так спешишь?

– Тебя искала. Нам нужен план. Причем план стоящий, простое «сидеть и ждать у моря погоды» не подойдет. Но если ты себя плохо чувствуешь, вначале передохни. – Подойдя к Араму, Макаса пощупала его лоб.

– Прекрати, – буркнул он, отпихнув ее руку. – Я просто... волнуюсь.

Макаса, фыркнув, скрестила руки на груди. Раны ее, благодаря заботам Часовых, почти затянулись, и двигалась она куда свободнее. Хотел было Арам проскользнуть мимо, чтоб скрыться в таверне да голову ополоснуть, но Макаса поймала его за локоть и развернула к себе. Никогда еще названная сестра не выглядела такой заботливой... и при том так угрожающе.

– Постой. Что случилось? У тебя же лицо сплошь красное. Выкладывай все как есть.

– Из ритуалов ничего не выходит, – ответил он, надеясь отвлечь ее, однако Макаса недоверчиво сощурила глаз, а это значило, что рассказ необходимо дополнить. – Препятствует что-то... одним словом... Да не знаю я, в чем там дело! Я что, на друида похож?

– На цыпленка жареного ты похож. Так покраснел, что щеки вот-вот лопнут.

– Неважно! – Арам едва не сорвался на крик. – Главное, нам вправду нужен план. Я просто не знаю, что делать дальше. Уз нам с Дреллой не разорвать, но мастер Тал'дара хочет, чтоб я никуда не уходил. Изучить нас хочет, или еще что-то такое. Для Круга.

Макаса подняла глаза к небу.

– Ну уж нет, вот этому не бывать. Если возне вокруг уз конец, нам пора двигать дальше. Уловки с «Раком» надолго не хватит, а Малус от злобы на слюну изойдет, как только поймет, что мы его провели. Все силы бросит на поиски, а когда своего добьется... – оборвав фразу, Макаса чиркнула ребром ладони поперек горла, точно кинжалом.

– Он уже знает.

Карие глаза Макасы округлились не хуже совиных, челюсть слегка отвисла.

– Что?

– Малус... Они догнали «Рака». Помнишь тот голос в голове? Он мне все это показал. Вся команда, все до единого... их больше нет. Из-за нас, Макаса. *Из-за меня*. С этим долгом мне до смерти не расплатиться: они жизни отдали, чтоб выиграть для нас время. У тебя теперь тоже бывают видения – так жди таких же ужасов, жди известий о том, как подводишь отца, и саму себя, и весь мир. Жди того же позора. Уж я-то знаю: со мной Свет заговорил куда раньше, чем с тобой.

Макаса побледнела, но на его вспышку не ответила ни словом. Немедля развернувшись, она направилась назад, к таверне.

Арам поспешил следом, едва поспевая за длинноногой сестрой.

– Куда ты?

– Сбирать вещи. Понимаешь, если Малус уже раскусил нашу хитрость, надо спешить. Вздохнув, Макаса ускорила шаг и снова обогнала его.

– Я понимаю, Макаса. Что я, по-твоему, совсем бестолковый?

Арам сокрушенно поник головой. Смятение быстро сменилось стыдом, а Дрелла и ее чувства к нему отступили куда-то далеко-далеко. Теперь к охватившему его жару прибавились скверные, нездоровые ощущения, будто он в самом деле захворал. Сколько людей отдали жизни ради него, а он сидел здесь, довольный, да мхом обрастал, пока Дрелла с Галеной были заняты *делом*! Да, не получилось у них, ну и что? Они хотя бы попробовали, а что сделал он?

– Вот и ты, Арамар. Я как раз ищу тебя.

«Ийнет... Только не сейчас!»

Поборов раздражение, он изобразил на губах блеклую улыбку и повернулся к одноглазому ночному эльфу. Тот выглядел на удивление взволнованным. При виде его улыбки Арам немного успокоился, и тут заметил в руке эльфа письмо. Неужели?..

– Сегодня вечером вернулась назад сова, посланная мной в лагерь экспедиции Северной Стражи, – сказал Ийнет, протянув пергамент Араму. Письмо оказалось нераспечатанным и, что еще более воодушевляло, адресованным ему. – Этот аванпост – к нам ближайший, но если и остальные ответят, я сразу же дам тебе знать.

– Спасибо, – выдохнул Арам, принимая письмо.

– Возможно, там ничего интересного и нет, – предостерег его Ийнет, – но я всем сердцем надеюсь, что весть будет доброй.

Слегка поклонившись Араму, Часовой развернулся и скрылся за деревьями, обступавшими аванпост. Оставшийся в одиночестве, Арам огляделся и поспешил в таверну, наверх, в комнату, которую делил с Макасой. Голос Макасы, кричавшей на Мурчала с Клоком, веля им собирать вещи, доносился даже туда. Ну что ж, по крайней мере, какое-то время его никто не потревожит – главное, не забыть спрятать улики, когда суматоха уляжется.

С бешено бьющимся сердцем Арам вскрыл письмо, как можно скорее заскользил взглядом по строчкам, и чем дальше читал, тем больше и больше становился комок в его горле.

Мастеру Арамару Торну.

Расспросам твоим, юный сэръ, я очень рад, и с равным удовольствием спешу сообщить, что дядюшка твой, Сильверлейн Торн, мне прекрасно знаком. Зовут меня Моррис Уилер, я – офицер пехоты Альянса, а служу в лагере экспедиции Северной Стражи. Одно время мы с Сильверлейном вместе несли службу в Штурмграде, а после были отправлены в Западный край. Сильверлейн – человек великих достоинств, честный и верный. Со времени последней встречи мы с ним не теряем связи, и в настоящее время он находится недалеко отсюда: последнее его письмо было отправлено из Ясеневого леса. Гонца к последнему известному мне месту его пребывания я уже отправил, а тебя очень прошу встретиться со мной здесь, в лагере: для меня будет немалой честью представить вас друг другу.

Твой во дружбе,

Морис Уилер

Сжимая пергамент в дрожащих руках, Арам глядел и глядел на письмо. Выходит, дядюшка жив и находится всего в нескольких днях пути отсюда? Казалось, это слишком уж хорошо, чтоб быть правдой, и на миг он усомнился в достоверности новостей. Если верить Ийнету, земли вокруг лагеря экспедиции кишат отрядами Орды, а Ясеновый лес недавно был атакован вражескими силами из Степей, и дядя легко мог погибнуть, не успев отправиться на юг. Однако известия заронили в сердце Арама искру надежды, разогнавшую темные тучи чувства вины, сгустившиеся над головой, почти без остатка.

Увы, облегчение оказалось недолгим. Закрыв глаза, Арам свернул письмо и крепко прижал к груди. Доносившиеся из соседней комнаты крики Макасы заставили с ужасом вспомнить о том, что путники задержались здесь слишком долго и, как выяснилось, зря. Цели своей они с Дреллой достичь не смогли, а тем временем Малус и его прихвостни истребили огнем и железом команду целого корабля. Арам понимал: виноват в этом он. Все их страдания – из-за него. Спрятав письмо, он выложил перед собой компас и рукоять Алмазного Клинка, накрыл заветные вещи ладонями и тут же всем сердцем почувствовал, что должен сделать.

Больше из-за него не нужно страдать ни единой живой душе. Все былые сомнения утвердились в голове – крепче некуда. Возможно, они верны: возможно, Арам уже потерпел поражение. Если Свет теперь говорит и с Макасой, это может свидетельствовать о том, что он больше не какой-нибудь там исключительный, не какой-то избранник высших сил. Наверное, у Макасы, сильной и храброй, дела пойдут куда лучше... однако он тоже кое-какую роль сыграть может.

Им нужно было побольше узнать о клинке и о задаче отца. Но Грейдон Торн погиб, а сколько бы Арам ни доверял товарищам, сколько бы ни восхищался ими, они – всего-навсего такие же дети, как и он сам. А вот дядюшка Сильверлейн наверняка знает, что делать. Да, как ни больно будет остаться одному, наедине со всеми сомнениями, но, по крайней мере, это поступок. А если у него ничего не получится? Что ж, тогда погибнет только он сам, а не один из тех, кто вызвался идти с ним.

У Судьбы на тебя другие планы, – сказал голос во сне. — Тебе нет надобности бояться.

Этот голос еще ни разу его не подвел. А если так, Арам пойдет вперед и постарается не бояться.

Спрятав компас и рукоять меча, он твердо решил отныне и впредь выбирать верный путь не по компасу – по велению собственного сердца.

Почуввав неладное – неладное до жути, до ужаса, с какой стороны ни взгляни, – Тариндрелла вскинула голову, встряхнулась, разогнала сон. Из волос ее, закружившись, выпали несколько травинки и листьев. Боль... Она чувяла боль. Боль и страх.

Но откуда все это могло взяться? В ее душе царил покой и мир, а еще она точно знала, что делать дальше. Пусть мастер Тал'дара с Галеной изучат ее и Арама, узнают побольше о связавших их узах, а как только удовлетворятся, она с остальными сможет дальше помогать Араму в поисках. Однако сейчас Арам был в смятении. «Смятение»... еще одно новое слово, усвоенное от Галены. Дрелле оно казалось странным, но очень подходило к чувствам, бурлившим в Арамовой голове. Ни разу еще их связь не посылала Дрелле подобных предупреждений. Казалось, в голове бьет разом целая дюжина колоколов, и если так будет продолжаться, ей никогда больше не уснуть. Поляна была тиха и покойна. Ночь наступила не первый час тому назад, и тишину нарушал лишь негромкий храп, доносившийся из таверны. Темный уют теплой ночи укрыл собой все, окутал холм колыбельными песнями сверчков, лягушек и блуждающих огоньков, неспешно вившихся меж деревьев.

Галена устроилась на ночлег недалеко оттуда, где полюбила спать Дрелла – под деревьями, под лунами, на груди лапника и листьев рядом с лунным колодцем. Спала тауренка крепко, несомненно, утомленная столькими неудачными ритуалами. Мастер Тал'дара ушел на ночь в таверну, по краю вырубки неспешно расхаживали немногочисленные караульные. Осторожно поднявшись на ноги, Дрелла заморгала на звезды. Ночь выдалась безоблачной, и в свете звезд да луны она прекрасно видела все вокруг.

Явственно чувствуя, откуда исходят боль и страх, Дрелла поняла: нужно идти за ними. Галена, проснувшись, разволновалась бы, и потому Дрелла постаралась отойти от нее как можно тише. Вот только что делать с караульными? Увидев кого-либо бегущим за пределы аванпоста, они немедля поднимут тревогу. Однако Арам покинул границы Дозорного холма. Как ему удалось уйти незамеченным?

Нет, это никуда не годится. Дрелла должна последовать за Арамом, но ведь Галена, обнаружив ее пропажу, здорово разозлится! Друиды хотят изучить их связь поподробнее, и убежать, не объяснившись и не предупредив, просто невежливо. Как Арам мог уйти, бросив друзей? Как мог уйти, бросив ее?

Решение отыскалось, стоило ей, бесшумно миновав открытое место, достигнуть тропы, ведущей на север и охранявшейся не так бдительно. И Орда, и драконы чаще всего появлялись с юга, а потому за северным направлением наблюдали не так пристально. Должно быть, этим путем Арам и ускользнул. Дрелла отыщет его, уговорит вернуться в Дозорный холм, и все будет в порядке. Галена не разволнуется, мастер Тал'дара не обидится, а их крохотное братство сохранит прежнюю сплоченность.

«Проще простого», – решила Дрелла, но тут же замерла: сучок, подвернувшийся под копытце, разломился напополам. Треск его казался просто-таки оглушительным, и Дрелла нервно заозиралась вокруг, ожидая, что из-за деревьев вот-вот выскочат караульные.

Шаги! Мягкие. Осторожные. Кто-то крался за ней.

Издав негромкий вызывающий писк, Дрелла со всех ног бросилась под арку, служившую началом северной тропы, тут же свернула в лес и двинулась в густые заросли. Шаги не умолкли, но словно бы отдалились, и потому она двинулась дальше, следом за болью, пульсировавшей на горизонте, точно разбитое сердце.

Арамара терзали невероятные душевные муки. Оставалось только надеяться, что все это ненадолго, что, увидев ее, увидев доброго друга, он успокоится. «За этим-то судьба и связала нас, – подумалось ей. – Ведь делать все на свете только сам не может никто. Верный друг нужен каждому».

Шаги снова приблизились, и Дрелла с трудом сдержала возглас, едва не сорвавшийся с языка. Ну, почему было не объяснить попросту, что происходит?! Однако прежде чем рассветет и все начнут беспокоиться, она все уладит, непременно уладит. Зачем хоть кому-нибудь озабоченно хмурить бровь, если она сама приведет Арамара обратно? Они ведь связаны судьбой, и он ни за что не удрал бы от нее просто так, без причины. Дело наверняка в каком-то недоразумении, и это недоразумение Дрелла вот-вот исправит.

Однако ее преследователь не сдавался. Стражи Дозорного холма были остроглазы, прекрасно обучены, и Дрелла начала убыстрять шаг в попытке оторваться от погони. Мчалась она все быстрее и быстрее, но наводящие жуть шаги за спиной не отставали. Вдруг сзади донесся негромкий рык, и прозвучал он вовсе не дружелюбно.

«Ой, мамочки!»

Забыв о бесшумной поступи, Дрелла бросилась сквозь лес напролом, к узкой тропке, вьющейся сквозь лабиринт каких-то развалин. Листва и кусты трещали позади, навстречу веяло ночной прохладой, а Дрелла бежала, бежала вперед. Позади снова, на этот раз куда громче, зарычали, грозно рявкнули, и Дрелла, взвизгнув от страха, наконец-то развернулась назад – взглянуть, кто выгнал ее на тропу.

– Берегись!

Но было поздно. Развернувшись именно в самый неподходящий момент, Дрелла с ходу, слепо врезалась в кого-то живого. Столкнувшись, оба изумленно вскрикнули и рухнули наземь, причем изрядно ушиблись. Поди тут пойми, от кого прежде обороняться – от этого, придавленного ее телом, или от твари, норовящей за копытца зубами цапнуть! Быстро подняв голову, она ахнула: перед самым носом мелькнул острый клинок.

Арамар...

Перемазанный грязью пополам с крошечком высохших листьев (несомненно, после обидного падения), он успел вскочить и направить острие абордажной сабли на...

На совсем юного сумеречного бегуна. Вовсе не кровожадного зверя – просто крохотного, но быстрого любителя поиграть в догонялки. Глядя вслед кошке, что, оказавшись нос к носу с двумя решительно настроенными живыми созданиями, немедля растеряла весь свой пыл, издала изумленное «мр-р-ряу», подобралась и шмыгнула в заросли, Дрелла захихикала.

– А ты что здесь делаешь?

Опустившись на колени, Арам помог ей подняться. Дрелла вынула из волос мальчика застрявшую веточку и отбросила в сторону. Она была невероятно рада его видеть, а еще от души радовалась тому, что выбралась на дорогу целой и невредимой.

– Тебя ищу, что же еще! Привет!

– Чш-ш-ш! – прошипел Арам. – Тише ты! Весь аванпост хочешь перебудить?

– Конечно! И всем рассказать, что нашла тебя, и теперь ты вернешься назад, – прошептала она, взяв его за руку.

– Нет, Дрелла, не бывает этому. Я ухожу.

Осторожно высвободив руку из ее пальцев, он спрятал абордажную саблю в ножны, поправил заплечный мешок и повернулся лицом к северу. К дороге в неведомое.

– А мы тебе что ж, разонравились? – спросила Дрелла, сделав шаг следом.

– Дело не в... Конечно же, не разонравились, – понизив голос, отвечал он. – Вы... вы все замечательные. Особенно ты. Но есть тут одно дело, которое я должен сделать сам. Я раз за разом все порчу, раз за разом впутываю в свои хлопоты и вас, и не только вас, а так не годится. Вот почему я должен уйти. Кстати, как ты меня разыскала?

Подойдя поближе, Дрелла внимательно взгляделась в его лицо, озаренное светом луны. Нет, ни следа улыбки, как ни гляди... и брови изогнуты книзу, в сторону глаз...

– Наша связь. Я почувствовала, что ты уходишь. И не хочу, чтобы ты уходил.

– Я должен, – горячо возразил Арам.

– Тогда я пойду с тобой!

– Нет, Дрелла. Не хочу я, чтоб ты попала в беду. Лестно, конечно, что ты со мной пойти хочешь, но слишком уж это опасно. Помнишь о том корабле под названием «Рак»? Который должен был помочь нам Малуса провести?

Дрелла кивнула.

– Так вот, обман сработал, но ненадолго. Малус нас раскусил, «Рака» выследил и всех на борту истребил. Всех до одного. А кровь их... кровь их теперь на моих руках.

Озабоченно сдвинув брови, Дрелла мигом схватила его за руки.

– Да, руки у тебя грязные, но никакой крови я не вижу.

– Это просто так говорится, – устало пояснил Арам. – То есть, они погибли из-за меня. И я не хочу, чтобы таким же образом пострадал еще кто-нибудь, понимаешь? От беды вас хочу уберечь. Всех вас.

С этим он, залитый светом звезд, двинулся дальше. Такого твердого, решительного шага Дрелла не замечала за ним давно. Плечи расправлены, спина пряма, точно здоровое, полное сил дерево, голова гордо поднята... Очевидно, он не шутил. Нижняя губа Дреллы задрожала. Явственно, точно в собственном сердце, чувствуя его боль, она поспешила вслед за Арамом.

– Мы бережем друг друга от бед, – сказала она. – Между нами связь, Арам, особая связь! Ты знал меня еще до того, как я стала мной. Что бы тебе ни нужно было сделать, мы можем сделать все это вместе.

Арам коротко взглянул на нее, и губы его дрогнули, сложившись в едва заметную улыбку.

– Ты серьезно? – спросил он. – Это же... это же очень непросто. Еще не поздно повернуть назад. Ведь Галене наверняка будет тебя не хватать?

– Меня всем будет не хватать, – заверила его Дрелла. – Я очень, очень... нехватательная. Да, может, Галена мне и подруга, и причинять ей боль нехорошо, но мы с тобой связаны особыми узами. Другими, единственными в своем роде. Неповторимыми.

Арам с негромким смехом повел ее дальше, мимо спящих оленей и баранов, мимо покоящихся на земле камней давно позабытых руин.

– Неповторимыми? Громкое слово для создания твоих лет!

– Это Галена меня ему научила, и еще множеству других слов, – объяснила Дрелла. – Для своих лет я вообще знаю слишком много всякого разного. Но ведь я теперь старше, разве не видишь? Лето пришло.

Арам, в свою очередь, внимательно пригляделся к ней.

– Да, ты вправду выглядишь... по-другому. Кое-какие листья становятся ярче, зеленее, а кое-какие уже желтеют. И с каждым новым временем года ты будешь вот так вот меняться?

Чувствуя, как боль в его сердце идет на убыль, Дрелла безмятежно кивнула. Оба, дружелюбно перешептываясь, двинулись дальше, углубились в развалины. Подняв руку, Дрелла провела ладонью вдоль посеревшей древней колонны.

– Я буду меняться с каждым новым временем года, – подтвердила она. – И с каждым новым временем года буду знать много больше. Вот эти камни... Я слышу рассказы об их прошлом. Отзвуки отзвуков, крики тех, кто погиб так давно, что ни один из живущих на свете не помнит их гибели. Грустно это, Арам, но теперь я буду их помнить. А можно, я тебе все о них расскажу? А ты их нарисуешь! Тогда и выйдет, будто о них вовсе не забыли.

– Конечно, – кивнув, согласился Арам. Глаза его ярко заблестели в свете луны. – Рассказывай все, что знаешь.

Глава десятая. Спутники

Давным-давно, когда Галена Грозовое Копье еще макушкой до колена кодо не доставала, пошла она по воду, прихватив любимый расписной кувшин матери, которым пользовались только в особенных случаях. Мать взяла с Галены слово быть осторожной: ведь этот глиняный сосуд был драгоценен, перейдя к ней от ее матери, а к той от ее матери, и так далее, и так далее – одним словом, история его тянулась настолько далеко в прошлое, что у юной Галены просто голова закружилась.

После прошедшего ночью дождя дорожки сделались скользкими, а Галена, хоть и понимала, что торопиться лучше не надо, очень спешила. Из деревни Кровавого Копыта пришел погостить дедушка Отуе, а для таурена его возраста такой путь очень и очень неблизок. Пока Галена с особым кувшином бегала по воду, Отуе рассказывал молодым истории о том, каким храбрым был воином, а ей отчаянно не хотелось пропустить из них ни словечка: дедушка был лучшим на всем белом свете рассказчиком. Ни одно из самых теплых ее воспоминаний о Громовом Утесе не обходилось без дедушки: Галена сидит рядом с ним, на полу, в шатре вкусно пахнет дровяным дымком, а дед, попыхивая потемневшей от времени трубкой, потряхивая длинной, до пояса, седой бородой, заводит новый захватывающий рассказ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.